

ДЖОЗЕФ ФИНК & ДЖЕФФРИ КРЭЙНОР

ИСЧЕЗАЮЩИЙ ГОРОД

**И СНОВА
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
В НАЙТ-ВЭЙЛ!**

MustRead – Прочесть всем!

Джозеф Финк

Исчезающий город

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

Финк Д.

Исчезающий город / Д. Финк — «Издательство АСТ»,
2017 — (MustRead – Прочесть всем!)

ISBN 978-5-17-112564-6

И снова добро пожаловать в Найт-Вэйл. Милый городок в пустыне, где светит жаркое солнце, сияет дивная луна и загадочные огни проносятся над головой, когда все делают вид, что спят. Здесь живут привидения, ангелы, пришельцы и... вполне обычные люди. Казалось бы, странные события для этого городка – неотъемлемая часть повседневной жизни. Так было всегда, пока по всему Найт-Вэйлу не стали появляться загадочные глубокие воронки... Именно поэтому ведущий ученый Найт-Вэйла Карлос поручает своей новой помощнице Ниланджане провести расследование. Уже очень скоро оно приведет ее к радостным последователям Улыбающегося Бога, которые задумали провести очень даже коварный ритуал. Ритуал, способный вызвать их бога и... уничтожить Найт-Вэйл. Теперь Ниланджане предстоит найти союзников среди последователей культа и понять, как можно спасти город и его обитателей.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-112564-6

© Финк Д., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	38
Глава 8	41
Глава 9	47
Глава 10	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джозеф Финк, Джеффри Крэйно́р

Исчезающий город

Joseph Fink
Jeffrey Cranor
It Devours!

© Joseph Fink, Jeffrey Cranor, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Посвящается Джиллиан Суини и Мег Бэшуинер

Глава 1

Не все верят в горы, но они все же существуют в пределах прямой видимости.

Ученые утверждают, хоть и довольно осторожно, что горы представляют собой выпирающие вверх результаты тектонических сдвигов массивных пластов горных пород. Горы формировались естественным путем в течение многих тысячелетий, торопливо добавляют ученые.

Большинство людей полагает, что гор вовсе не существует. Даже когда они видны, как это часто случается, не верящие в них объясняют, что наш разум создает сенсорные фантомы, чтобы разяснить то, что мы не можем понять, вроде очертаний богов, или чудовищ в звездных скоплениях, или тайных посланий в чайных листьях, а также правительственных шифров в узорах облаков на небе.

Горы, реальные или нет, обрамляют пустыню, словно кайма на пустой большой тарелке. Посередине находятся разбросанные по равнине города с названиями вроде Красная Столовая Гора и Сосновый Утес, а прямо в центре располагается Найт-Вэйл.

Над Найт-Вэйлом кружат вертолеты, защищая граждан от них самих и всех прочих. Над вертолетами висят звезды, которые совершенно бессмысленны. Над звездами – пустота, которая полна самых разных смыслов.

По этому оживленному небу часто проплывают загадочные огни. Они представляют собой всего лишь космические корабли пришельцев или ауры, оставленные путешественниками между разными измерениями, но эти простые объяснения скучны и банальны. Жители Найт-Вэйла часто рассказывают замысловатые истории, чтобы объяснить наличие этих огней самим себе. («Когда-то небо влюбилось в скалу. Но тысячелетние ветра своим дуновением превратили ее в пыль. Небо, ничего не понимая, по-прежнему посылает сигналы покинувшей его подруге. Скала так никогда ничего и не узнала о небе. Она любила лишь ветер, который медленно разрушал ее».) Иногда совсем неплохо найти какое-нибудь красивое, пусть и неверное объяснение.

В центре Найт-Вэйла, как и во многих других городах, располагается деловой район со всеми его атрибутами: мэрией, городской радиостанцией, фигурами в капюшонах, библиотекой, мерцающей воронкой, огороженной желтой полицейской лентой, опасными бродячими собаками и пропагандистскими громкоговорителями на каждом углу.

За деловым центром находится Старый город, жилой район с магазинами, спроектированный и застроенный во время экономического бума 1930-х. После войны он пришел в упадок, но в последние годы переживает новый подъем, что выражается в росте числа домовладельцев, магазинов, высоких металлических деревьев и диких кошек.

За Старым городом простираются песчаные пустоши, которые представляют собой именно то, что вы думаете. А за песчаными пустошами лежит лесостепь, являющаяся чем-то вроде того, что вы думаете. За лесостепью находится стоянка подержанных машин, дом Старухи Джози и, наконец, на самом краю города, дом Ларри Лероя.

Ларри Лерой всегда, сколько себя помнил, жил один. У него был телефон – сломанный – и машина без колес, установленная на заднем дворе на четырех бетонных тумбах. Под машиной у него был подземный склад, забитый консервами, питьевой водой и годичным запасом свиных сосисок в животном жире. Когда-то у Ларри был дробовик, но он обменял его на машину без колес, рассудив, что такая машина куда безопаснее дробовика. Несмотря на дружелюбные напоминания филиала Национальной стрелковой ассоциации – «Оружие не убивает людей. Оружие – это новая капуста. Оружие чертовски полезно для здоровья», – он никогда не чувствовал себя в безопасности рядом с ним.

Когда Ларри исполнилось двадцать, отец взял его с собой на охоту. Ларри недолюбливал отца. Но и не то чтобы ненавидел. Как-то раз, когда он полез в багажник отцовского пикапа за

дробовиком, пристроившийся на стволе скорпион впился ему в руку. С тех пор он относился к оружию с недоверием.

Сами же скорпионы Ларри нравились. В конце концов, ведь они поедают белок, которых он по-настоящему ненавидел. Ларри редко обращал внимание на нелогичность, с какой в мозгу у человека развиваются различные фобии.

В тот вечер Ларри склонился над лежавшей на столе коробкой из-под обуви. Он осторожно приклеивал крохотные коричневые усы, сделанные из полоски древесной коры, на миниатюрное лицо Уильяма Эдуарда Бёркхардта Дюбуа. Еще ему требовалось соорудить ручное лазерное орудие, которым был известен Дюбуа. Ларри слышал звуки, похожие на царапанье беличьих коготков у него в подвале, и с надеждой подумал, что скорпионы, возможно, проголодались. Его внимание привлекла миниатюрная версия пятиглавого дракона по имени Рейчел Макдэниелс, на котором Дюбуа часто восседал, когда произносил свои речи. С позиции своего морального и физического авторитета Дюбуа обращался к интеллектуалам и политикам, стоявшим на пути обретения равных прав для чернокожих американцев. Он также обращался к ним со спины летающего дракона.

Ларри соорудил диораму в ознаменование знаменитого поражения, нанесенного Дюбуа германской армии в 1915 году. Она изображала его и Рейчел в библиотеке, где они соединили ладони над экземпляром заявления о капитуляции в жесте «дай пять».

Ларри, обожавший этого героя войны и великого защитника прав человека, бережно поместил воссозданного в мельчайших подробностях Дюбуа в картонную коробку из-под обуви. Семья Ларри никогда особо не увлекалась историей, и домашние частенько ему говорили, что история не существует, потому что она больше не происходит. В тот момент, когда что-то происходит, твердили они каждый вечер за ужином, оно исчезает, переходя в область вымыслов памяти. Они произносили эти слова, склонив головы, а потом начинали есть.

Возможно, он был мятежным юношей. Или же, вероятно, ему просто хотелось вникнуть в мифы человеческой истории – порой чудесные, а порой трагические. Он обожал своих героев: Уильяма Эдуарда Бёркхардта Дюбуа, Хелен Келлер, Редда Фокса, Луиса Вальдеса, Тони Моррисон. Он считал своим долгом помогать сохранять их наследие, трепетно почитая их великие биографии и дела, чтобы они по-прежнему существовали в настоящем. История реальна относительно к правде, частенько говаривал Ларри, и она не в словах, а в делах.

Миниатюрные костюмы, усы и бороды, раскрашенные модели обстановки – все эти предметы были не больше среднего пальца Ларри. Чтобы их изготовить, требовались верный глаз и твердая рука. В отличие от других людей, Ларри с возрастом становился все более уверенным в себе, более точным в своей медлительности. Он ловко и аккуратно прикрепил усы под носом великого интеллектуала Дюбуа и взялся за пинцет, чтобы приступить к работе над задним планом диорамы, представлявшим собой библиотеку.

Вдруг Ларри слышал негромкое жужжание и почувствовал, как оно отдается по всему его телу. Шум раздавался волнообразно, плавно нарастая и затихая, легко убаюкивая подсознание человека, целиком погруженного в работу. Амплитудные колебания звуков ускорялись, вскоре перейдя от ровного завывания в прерывистый рев. Металлические тарелки и чашки в кухне, построенной и оборудованной собственными руками Ларри, начали дребезжать первыми, затем последовал скрип крыши о металлические стропила.

Ларри взглянул на пришпиленный к стене календарь землетрясений. Каждый месяц подобные календари доставляли служащие неназванных, но грозных правительственных агентств, посреди ночи подсовывая под дверь большие коричневые конверты. Согласно календарю, на сегодня землетрясение не намечалось.

Ларри посмотрел на У. Э. Б. Дюбуа и Рейчел Макдэниелс в их обширной академической библиотеке. Капелька пота размером с голову Дюбуа упала на спину Макдэниелс, размазав краску и сбив только что приклеенные шипы.

Ларри вытер лоб. Потел он нечасто, даже в раскаленных песках. «Это же сухой жар», – часто говорят другим людям обитатели пустыни, пытаясь скрыть, что сами себя обманывают. Но сегодня жара была необычной. Ларри ощущал ее не в воздухе, а внизу, под ботинками, – это не пекло солнце, а что-то нагревалось от трения. Песок под клееной фанерой буквально горел, будто друг о друга скреблись два мира.

Коричневая майка-безрукавка Ларри намокла под мышками. Он слышал грохот металлических тарелок и чашек, падавших из ящиков без дверец. Тряслось все – земля, дом и он сам. Это было не плавное качание и смещение землетрясения под контролем правительства. Создавалось ощущение ударов снизу. По пустыне словно колотил гигантский подземный кулак.

Ларри встал и кое-как добрался до гостиной, но тут раздался очередной резкий толчок, и весь дом затрясся. Ларри качнуло вперед, и он ударился лицом о косяк открытой входной двери.

Ларри боялся только за свои диорамы. Он знал, что однажды придет Конец всему, и задолго до этого наступит конец ему самому. Он не был столь пафосен, чтобы соотносить свою смерть с Концом, – это будет просто один из миллиардов концов, предшествующих большому Концу. Смерть есть конец лишь в том случае, если ты полагаешь, что вся история – это про тебя.

Ларри знал, что однажды его найдут мертвым в его доме на самом краю города. Его это не волновало. Да, у него нет детей, однако наследие, заключающееся в детях, довольно ограничено. Не многим людям известны все подробности их родовых отношений дальше бабушек и дедушек, а многие люди не помнят даже это поколение. Два поколения памяти – вот все, что дают дети, а потом всех забывают. Но он оставит после себя полки письменных трудов, диорамы и пестрые лоскутные одеяла. Он создавал рукотворную историю, пытаясь сделать бессмертными своих героев, и, возможно, таким же образом продлить свою историю. Он хотел, чтобы вместо короткого некролога в «Ежедневной газете Найт-Вэйла» его смерть стала историей открытия его огромной коллекции, трудов всей его закончившейся жизни.

Он уже написал письма Саре Султан, президенту городского колледжа Найт-Вэйла (с указаниями передать его диорамы на художественный факультет), Линн Харт, редактору «Ежедневной газеты», и Сесилу Палмеру, ведущему городской радиостанции (с некрологом, написанным на свою смерть и на кончины Линн и Сесила), а также Мишель Нгуен, владелице фирмы звукозаписи «Дарк оул рекордз», которая, несомненно, с удовольствием бы унаследовала его собрание полек, написанных, исполненных и записанных им самим при помощи концертино и микрокассетного магнитофона. Мишель с отвращением относилась к любой музыке, достаточно популярной, чтобы ее слушал кто-то кроме нее и персонала «Дарк оул», так что мелодии Ларри приняли бы с радостью. Согласно завещанию, письма должны быть доставлены, а его имущество распределено в соответствии с его последней волей.

Его художественные и научные проекты были его детьми, наследием, которое, как он надеялся, проживет гораздо дольше, чем два беспамятных поколения людей.

Ларри почувствовал, что у него начинает распухать щека, которой он ударился о дверной косяк. Он вернулся в дом. Тяжелые удары снизу рушили его кухню и гостиную. Он увидел, как обвалились стены и потолок, превратившись в щебень и пыль. Страницы его книг и личных заметок взметнулись вверх, к вертолетам и звездам, и лениво закачались на ветру, словно свихнувшиеся голуби.

Шатаясь, Ларри двинулся вперед, растопырив руки, держась за то, что осталось от стен, чтобы не упасть, и повернул за угол в свою студию. Диорама с Дюбуа и Макдэниелс оказалась слегка поврежденной, но вполне восстанавливаемой. Он взял ее в руки.

Стена с другими диорамами устояла – десятилетия кропотливой работы и филигранного мастерства. «Гордость и предубеждение», самая первая его диорама, все еще демонстрировала наивность новичка, но вместе с тем – смелость начинающего художника. Меч Элизабет Беннет

был испачкан кровью (Ларри использовал свою). А для ее глаз он взял шлифованный оникс. В какой бы части комнаты ни встать, Беннет будет взирать на тебя со страстью и жадой мести, которыми известна эта опасная литературная злодейка.

Ларри поставил коробку с Дюбуа на рабочий стол и подошел к стене с диорамами. Над витринами были прочно закреплены длинные оконца из плексигласа. От ударов пол под ним ходил ходуном. Ларри слегка потянул за каждую полку: хоть он и видел, что они вне опасности, но желал в этом убедиться.

И тут половица под ногами Ларри переломилась. Он потерял было равновесие, но не упал, ухватившись за опорную балку рядом с полками. Еще один оглушительный удар – и половина его рабочего стола скрылась в расширявшейся на полу воронке. Ларри увидел, как коробка с Дюбуа скользит к ее краю, и прыгнул. Он редко прыгал или делал что-нибудь быстро, но в этот раз продемонстрировал удивительное проворство. Схватив коробку, он оттолкнулся правой ногой от скрывавшегося внизу стула и, не глядя, бросился к дальней стене, врезался в нее, но умудрился не выпустить из рук крепко прижатую к груди диораму со своим любимым оратором.

Повисла долгая тишина, нарушаемая лишь дыханием Ларри. Он услышал, как на пол упала капля пота. От земли тянуло жаром. Ноги у него начало сводить судорогой, голова слегка кружилась. Он вынес диораму с Дюбуа наружу и осторожно поставил на землю на безопасном расстоянии от шатающегося здания. Потом вытянул из канавы тачку и ринулся обратно в рушащийся дом.

Ларри побросал в тачку все важные документы, которые смог найти, вместе с письмами жителям Найт-Вэйла, потом схватил пьесы и поэмы собственного сочинения и рванул в студию, изо всех сил толкая перед собой уже наполовину загруженную тачку. Там он аккуратно сложил в нее свои диорамы, одну на другую, и труды всей его жизни образовали пирамиду из красок, пластика и бумаги.

Ларри услышал, как затрещал потолок. Он положил шедевр Джейн Остен поверх остальных, и в этот момент раздался громкий и резкий хруст. У него сразу же зазвенело в ушах. Он упал, точнее соскользнул, на колени. Пол под ним выгнулся, пустые полки рухнули. Ларри заглянул в воронку и увидел падающие грязь, дерево и плексиглас – падающие и ни во что не попадающие. В этой воронке он увидел глубокую и бесконечную пустоту.

Пол сорвало, и деревянные половицы стало затягивать в воронку. Ларри пытался уцепиться ботинками за стремительно кренившуюся поверхность. Он сильно толкнул тачку, надеясь, что даже если ему не удастся выкарабкаться, то, по крайней мере, у диорам останется хоть какой-то шанс. Тачка, покачиваясь, проехала с полметра, но потом покатилась обратно к нему. Пирамида трудов всей его жизни накренилась, готовая вот-вот рассыпаться.

Ботинки Ларри заскользили по полу. Он с силой толкнул тачку еще раз, не сгибая колен, вскинув все тело кверху. Он толкал тачку по кренившемуся полу, напрягая все силы, но, в конце концов, достиг сцепления и двинулся вперед. Он перекатил тачку через край ямы и выпрыгнул прямо в гостиную, подальше от разверзавшейся позади него воронки, потом завернул за угол и ринулся к входной двери.

В тусклом свете догоравшего над пустыней дня Ларри добрался до внутреннего дворика. Прочь отсюда, в сторону заката, подальше от рушащегося дома, к оседающей земле.

Лужайка перед домом – галька пополам с грязью и голые кусты – исчезла. Все до самой канавы представляло собой зияющую яму. Земля перед ним полностью канула в никуда, а вместе с ней У. Э. Б. Дюбуа и Рейчел Макдэниелс.

У Ларри едва хватило времени, чтобы осознать случившееся, когда последовал еще один толчок – последний и самый ужасный, хоть он тогда об этом не подозревал. На несколько шагов впереди песок потянуло вниз. Ларри обожгло ладони – это деревянные ручки тачки вырвало из его рук. Глаза Элизабет Беннет злобно сверкнули оранжевым пламенем, когда она исчезала

в пустоте вместе с другими обожаемыми им героями. Ларри смотрел, как все доказательства того, что он когда-либо существовал, падали в разверзнувшуюся бездну. Он таращился на уходившую из-под его ног землю, на звезды и пустоту, ринувшиеся вверх от него.

Когда земля исчезла у него из-под ног и он стал падать в глубокое ничто, Ларри все еще не мог поверить тому, что видел. Да, он тоже не верил в реальность гор, но тем не менее они существовали в пределах прямой видимости, пусть и всего лишь несколько секунд.

Глава 2

Ниланджана Сикдар разглядывала бактерии. Бактерии же не обращали на нее никакого внимания – они бесчувственно вибрировали.

Эксперимент касался побочного продукта жизнедеятельности бактерий, вещества, способного применяться как пестицид в промышленных масштабах. Но в этот момент Ниланджану куда больше беспокоило, почему бактерии размножались лишь с одной стороны чашки. Это не обязательно что-то означало, хотя и могло что-то означать. Что угодно могло что-то значить для кого-то. Но все это казалось каким-то неровным. Необычным. Ей захотелось передвинуть часть бактерий на другую сторону чашки, но это было бы ненаучно, да и, в любом случае, бактерии довольно трудно толкать. Возможно, стоит слегка наклонить чашку – просто чтобы переместить какие-то колонии бактерий на чистую сторону. Тогда все станет выглядеть ровнее. Это будет столь же ненаучно, но все же будет казаться аккуратнее. Нет, она не может это сделать. Вручную изменять поведение бактерий – это ошибка. Ниланджана вздохнула. Бактерии распределяются неровно. Она научится справляться с этим, как научилась справляться со всем, с чем сталкивалась в своей жизни.

Если прожить, как она, почти четыре года в городе вроде Найт-Вэйла, всегда обнаруживаешь массу всего, с чем приходится справляться. С появлением мстительных призраков. С попытками похищения любопытными инопланетянами. С городскими праздниками, сопровождающимися пугающим числом жертв. Со всем этим справляться она научилась. Но все же бактерии беспокоили ее больше, чем она была готова в этом признаться.

Ниланджана наклонила чашку. Она никому ничего не скажет. Бактерии упрямо оставались в левой части чашки. Она сделала несколько пометок в тетради, которая лежала так, что чашка с микроскопом располагалась четко по линии ее раскрытия. Закончив писать, Ниланджана положила ручку на место, у края страниц. Больше у нее на столе ничего не было. Для работы ей нужны были лишь эксперимент и тетради, а если ничего не требуется, то нет причин и что-то заводить. Ее стол представлял собой радовавший глаз пустотой прямоугольник с микроскопом и тетрадью, расположенными ровно по центральной линии.

А еще с тоненькой струйкой питательного раствора, косо стекавшей к краю.

– Черт! – сказала она.

– Что? – отозвалась Луиза.

Ее стол стоял рядом со столом Ниланджаны. Эксперимент Луизы имел какое-то отношение к ее очевидному разочарованию в картофеле, и она, даже повернув голову в сторону Ниланджаны, продолжала демонстративно хмуриться на кучку клубней, лежавшую на ее столе. У нее на столе не было беспорядка – просто любой стол показался бы захлавленным по сравнению с рабочим местом Ниланджаны. Поэтому стол Луизы выглядел именно так. На нем возвышалась стопка бумаг, грозившая рухнуть и завалить все вокруг, а картофелины лежали неопрятной кучей, располагаясь в случайном порядке, дабы не повлиять на результат эксперимента, каким бы он ни был.

– Да нет, – ответила Ниланджана. – Ничего. Просто вырвалось. В смысле, совсем чуть-чуть. – Она показала.

– Ты меня чрезвычайно разочаровала, – заявила Луиза.

– Что?

– Извини, это я картофелине. Мне нужно выдавать словесное напоминание о моем разочаровании через заданные промежутки времени вместе с его визуальными проявлениями. Просто на тот случай, если картошка реагирует по большей части на звуки.

– А она вообще-то реагирует на звук?

– Есть только один способ это выяснить, – бодро ответила Луиза. Лицо ее оставалось грозным и нахмуренным. Она покачала головой. – Ты не до конца используешь свой потенциал.

– А у картошки есть потенциал?

– Нет, не у нее. У тебя, Нилс. Какой ты вообще эксперимент ставишь?

– Вот, погляди, это на самом деле интересно. Я регулирую водородный показатель этого питательного раствора поэтапным изменением каждого...

– Нилс, разве это наука?

– Да.

– Правда? Ой, а я до сих пор не уверена в том, что такое наука. Судя по словам, это больше похоже на какое-то представление. – Луиза ткнула картофелину, и та скатилась на край кучки. Она или не заметила этого, или же ей было все равно. – В любом случае, тебе не надо тратить время на небольшие эксперименты вроде этого. Необходимо работать над более масштабными и более престижными проектами. Такими, за которые получают награды. Вроде Лучшего научного приза. Или же приза «Полезная наука» от Общества полезных ученых. Вот посмотри на меня и на эти картофелины.

Она жестом пригласила Ниланджану взглянуть, но Ниланджана уже и так на них смотрела и открыла глаза еще шире, чтобы показать, что смотрит еще внимательнее.

– Ты знаешь, сколько грантов я получила на эти штуки с картошкой? Все идет по плану. Я могу посвятить остаток своей карьеры разочарованию в этих картофелинах, при этом получая все необходимое внимание со стороны крупных средств массовой информации.

Ниланджану не очень интересовали научные гранты и премии. Существовало много богатых ученых, чья известность была раздута бульварной прессой, но в науку она пошла совсем не поэтому. Ей просто хотелось изучать окружающий мир. Она испытывала высшее счастье, каждый день приходя в лабораторию, работая со своими бактериями и разрабатывая дополнительные, некоммерческие субстанции, приносящие пользу обществу, вроде лекарственных средств или пестицидов.

Последние три года она изучала эти бактерии с целью получения естественного пестицида. Раньше фермеры в своем большинстве избавлялись от насекомых, сжигая их, но это оказывало неблагоприятное воздействие на культуры, в которых обитали насекомые. Ей удалось совершить несколько прорывов. В начале этого года она смогла создать аэрозоль для удаления со стволов деревьев жуков-короедов, но при контакте с аэрозолем жуки обычно визжали. Они визжали очень громко, и это вызывало отвращение. Поэтому Ниланджана пыталась улучшить исходную формулу.

Наука для нее была процессом, ведущим к совершенству. Каждый ответ порождал новые вопросы, каждый из которых приносил все новые и новые ответы. Ей хотелось заполнить пустой круг человеческих знаний фактами и доказательствами, чтобы не приходилось доказывать недоказуемое с помощью предположений и легенд. Чем меньше в жизни относится к области мифов, тем лучше становится человечество. Если бы за это давались призы или денежные гранты – прекрасно. Но Ниланджана не нуждалась в поощрениях. Она стремилась к научному порядку и стройной системе знаний.

– Верно. Но, Луиза, посмотри сама. Мне нравится этот эксперимент. Он интересен. А если он интересен, значит, он важен. Вот что всегда говорит Карлос.

– О, Карлос. Он великий ученый, Нилс, но ему не хватает карьерных устремлений. Держись меня, я помогу тебе достичь высот.

– Ладно, хорошо, но... – Ниланджана показала на чашку с бактериями, но в этот момент раздался оглушительный грохот, за которым последовала ослепительная ярко-белая вспышка, рука ее дернулась и, угодив прямо в чашку, перевернула ее.

– Прошу прощения! – вскричал Марк. Его рабочее место располагалось за ними, и он изобрел агрегат, который должен был вызывать ослепительную вспышку, за которой бы раздавался оглушительный грохот, но вот уже несколько недель тот срабатывал в обратном порядке.

– О, вот черт! – воскликнула Ниланджана. – Там была вся работа за месяц. Мне нужно бумажное полотенце. Прошу меня извинить.

Луиза пожала плечами.

– Как угодно. Дай мне знать, если тебе понадобится совет. Я желаю тебе только хорошего, а ты всех нас подводишь.

– Не слишком ли сильно, мы едва...

– Ой, извини, Нилс! Это я опять картофелине.

Ниланджана встала, чтобы взять что-нибудь, чем можно было бы вытереть расплзавшуюся по столу лужицу. Питательный раствор залил практически всю меньшую часть стола и грозил вот-вот пролиться через край.

Марк виновато сморщился, когда она проходила мимо.

– Ты уж извини. Мне надо было подать предупредительный сигнал, чтобы вы знали, что я начал испытания, но сама знаешь, как это бывает. Увлёкся экспериментом.

Ниланджана кивнула, оборвав его оправдания взмахом руки. Она прекрасно знала, как это бывает. Марк ей нравился, и она жалела, что его эксперимент проходил неровно, пусть даже его попытки все наскоро починить наносили ей серьезный психологический и физический ущерб.

– Не слушай ее, – произнес Марк, отвинчивая заслонку на своем агрегате, чтобы понять, в чем проблема. Внутри что-то слабо мигало и успокаивающе бормотало. Он покачал головой. – По крайней мере, хоть это произошло в нужном порядке.

– Я могу слушать ее, но не слышать, понимаешь? – ответила Ниланджана. – Я горжусь своим экспериментом. Он связан с тем, что мне интересно, и он продвигается. Или продвигался. Продвигался, пока я все не перевернула. – Она открыла лабораторную аптечку первой помощи, где лежал рулон бумажных полотенец и больше ничего. – Ну, не знаю. Может, дело в том, чем я занимаюсь, понимаешь? Я одна здесь ставлю небольшие эксперименты. Может, мне именно это и суждено. Тогда все будет хорошо.

– Лишь бы ты была счастлива, Нилс. – Марк поковырялся в агрегате отверткой. – Правда, лишь бы ты была счастлива. Ты счастлива?

– У меня все прекрасно. – Ниланджана оглянулась на небольшую лужицу питательного раствора на столе, вздрогнула и, отмотав от рулона бумажных полотенец длинную полосу, обернула ею руку и оторвала резким рывком. – Мне не надо быть счастливой, когда у меня все прекрасно.

Вытирая питательный раствор зажатым в руке комком бумаги, она задумалась, все ли у нее прекрасно. Как это можно узнать? Есть ли объективный тест на счастье, не говоря уж о красоте? Какие данные нужно собрать? Можно ли объективно продемонстрировать признаки того, что все «прекрасно»?

Она подумала о других ученых. В большой лаборатории стояло несколько столов, и за каждым проводил свой эксперимент какой-то ученый. Одни эксперименты искрили или пели, другие выделяли слизь или превращались в студень. Лишь немногие эксперименты думали или чувствовали. На стене висела лекционная доска с названиями некоторых проектов и экспериментальных наблюдений. «Пчелы?» – гласила одна надпись. «Гипотеза: все пугает, и нам нужно прятаться», – сообщала другая.

Лаборатория располагалась в научном районе, в неухоженной промышленной части города, сделавшейся опасной из-за частых стычек враждующих группировок ученых. Астрономы и особенно орнитологи всегда затевали свары, устраивали засады на углах улиц. Перепапки начинались с чтения вслух научных работ с рецензиями ведущих умов, а заканчивались

ударами бутылочных «розочек». Ниланджана сторонилась подобных диспутов, но ей все же становилось тревожно, когда она видела затертое пятно крови или вырванную из диссертации страницу, которыми отмечались места особо жарких схваток.

И все-таки она была всем довольна, и ее все устраивало. Она была довольна своими экспериментами. Ее устраивали Луиза и Марк. Ей нравилось, что она сидит в большой комнате, полной умных людей, которых она уважала, хоть и не знала достаточно хорошо. Нравилось приходить на работу и говорить о науке или просто о жизни. Ее устраивало, что вечером она возвращалась домой и оказывалась в комнате без людей. Она ограничивала общество знакомых определенными часами, а потом исключала их из других часов, когда могла побыть одна. Ее устраивало положение «чужой»: жители Найт-Вэйла регулярно напоминали ей, что она родилась в другом месте. Она везде была чужой, и это ее устраивало. Она была довольна тем, что росла девчонкой, которой нравилось давить жуков, смотреть в микроскоп и выстраивать микробов в упорядоченные модели. Ее устраивала жизнь без друзей, которые бы это понимали и которым бы это нравилось. Ее устраивало, что ее не задевали и не высмеивали, но в то же время не приглашали на вечеринки. Может, она не была счастлива. Может, то, чем она занималась, было неважно и никому не помогало. Но ее это устраивало. Ее устраивало говорить себе: «Я всем довольна».

– Ниланджана? – произнес ровный, вкрадчивый голос.

Она подняла взгляд от стола, который продолжала вытирать бумажными полотенцами, даже не замечая движений своей руки.

В дверях своего кабинета стоял Карлос. Он выглядел испуганным. Нет, озабоченным. Нет, испуганным.

– Ниланджана, можете ко мне зайти? Мне нужно ваше мнение о... Просто зайдите.

Карлос не часто приглашал других ученых в свою личную лабораторию. Именно там он ставил особые эксперименты, связанные со спасением Найт-Вэйла от различных сверхъестественных угроз, которые постоянно досаждали городу, и там же составлял коллажи из строительного картона, представлявшие собой любовные послания мужу. Все это было важной работой, и он предпочитал, чтобы его не тревожили. Ниланджана не могла припомнить, когда ее в последний раз приглашали к нему в кабинет.

Если бы она знала обо всех событиях, которые станут следствием предстоящего разговора, она бы пришла в ужас, а может, в восторг, а потом снова в ужас. Она бы ощутила столько всего, сколько не ощущала с момента приезда в этот странный город, где она была не совсем своей. А пока она просто смутилась.

– Конечно, – ответила она. – Сейчас зайду.

– Уф-ф, – произнесла Луиза, пренебрежительно махнув своим картофелинам.

Глава 3

Карлос никоим образом не интересовал Ниланджану, и, как бы там ни было, он был замужем за ведущим городского радио Сесилом Палмером. И все же она не могла не заметить, что он по-своему сногшибательно красив. Даже хмурясь, он был великолепен и с непревзойденным изяществом приглаживал свои непревзойденно прекрасные волосы.

В науке, разумеется, всегда нужно прилагать массу усилий, чтобы хорошо выглядеть. Внешний вид и элегантность – главные составляющие научной карьеры, и знаменитые ученые то и дело слышат в свой адрес обвинения в применении пластической хирургии и пагубных для здоровья диет, а также находятся под пристальным вниманием популярных журналов и блогов. Но Карлос старался держаться подальше от всего этого. Он был красив, но никогда не придавал этому большого значения. Его занимали только две вещи: научная работа и семья.

О семье Карлоса Ниланджане было известно немного. Она знала, что его племянница-подросток Дженис родилась с расщеплением позвоночника, и всякий раз, когда проверка зрения, состояние почек и позвоночника показывали, что она здорова, Карлос брал несколько дней отпуска, чтобы побыть с ней, братом и невесткой.

Ниланджана также знала, что его муж Сесил, будучи журналистом, порой сталкивался с серьезными опасностями в полном жутких тайн городе, каким был Найт-Вэйл, и из-за этих опасностей Карлос очень переживал и впадал в ступор. В такие моменты он шагал взад-вперед по своему кабинету, с трудом удерживаясь от того, чтобы не позвонить на радиостанцию и спросить, все ли в порядке с Сесилом. Когда Карлос переживал за Сесила, работа в лаборатории практически останавливалась. Ниланджана могла определить, когда у Карлоса запланировано свидание на вечер, поскольку в такие дни он намазывал волосы гелем и надевал свой самый красивый лабораторный халат.

Она не понимала, почему вдруг Карлос захотел с ней поговорить, и надеялась, что проблема связана с его научной работой. Она мало что знала о любви. Не то чтобы у нее не было кавалеров. Она была взрослым человеком и интересовалась другими людьми. Начиная со старших классов она время от времени заводила романы, однако не чувствовала себя достаточным знатоком в этом вопросе, чтобы давать советы другим. Она просто переживала взлеты и падения так же, как и любой человек. Иногда ей было весело, а чаще одиноко, независимо от того, встречалась она с кем-то или нет.

Карлос прервал ее раздумья, развернув схему с надписью большими буквами: «НАУКА».

– Сегодняшняя тема обсуждения – наука. Я подготовил наглядное пособие.

Ой, слава Богу!

Он жестом пригласил ее сесть, но Ниланджане не особенно нравилось сидеть, так что она жестом показала, что лучше постоит, после чего произошел обмен жестами, которых никто из них не понял. Наконец Карлос сел, а она осталась стоять.

– Я знаю, что вам известно о доме, – начал он.

– Общее представление о домах?

– Нет, э-э, извините, о доме, который не существует. – Он развернул еще одну схему с изображением дома.

– Да, – ответила она. – Я знаю этот дом. Его не существует. Он выглядит так, словно есть на самом деле. Как будто стоит перед тобой, когда на него смотришь, к тому же расположен между двумя совершенно одинаковыми домами, поэтому гораздо больше смысла в том, что он там есть, нежели чем его нет, но...

– ...На самом деле он не существует, – закончил он.

– Верно. Это странный дом. Или не странный дом. Он странный, но не дом? Трудно понять, как о нем говорить.

Все в городе знали о доме, который выглядит так, словно существует, хотя на самом деле его нет. В среде ученых часто спорили, сможет ли кто-то постучать в дверь и убежать. Сам Карлос однажды зашел в дом. Но он не очень любил распространяться на эту тему и, как только об этом заговаривали, отмахивался или же пытался перевести беседу в другое русло.

Из научных записок Карлоса Ниланджана узнала, что интерьер этого дома разительно отличался от обстановки обычного панельного жилого здания, если посмотреть в окно. Внутри в доме не было никакой мебели и никакого убранства, кроме небольшой черно-белой фотографии маяка. Дом представлял собой не строение, а вход в параллельный мир пустыни – просторный и пустынный. В этом параллельном мире стояла одинокая гора, и она была совершенно очевидной для всех, кто ее видел. На вершине горы располагался маяк с фотографии. Отовсюду исходил холодный свет, хотя солнце никогда не показывалось.

Гипотеза. Параллельный мир пустыни был холодным и пустым, и это заставляло Карлоса чувствовать себя потерянным для любимых им людей. Карлоса больше всего заботили любимые им люди, поэтому место, где не было никого и ничего, травмировало его.

С момента возвращения Карлоса из параллельного мира несколько лет назад все в лаборатории знали, что он стал буквально одержим этим домом. И, как большинство неотвязных мыслей о правде, это вызвало тревогу у Городского совета.

– Твое дело – заниматься наукой, – сообщил ему совет через ребенка-посыльного с пустыми глазами, который услужливо бросился к нему, когда Карлос встал посреди ночи в туалет. – Так что будь привлекательным и пиши статьи. Не отправляйся на поиски «правды». Ты ученый, а не сыщик.

– Господи, – ахнула Ниланджана, когда он рассказал ей о реакции совета.

– Да, это было очень неприятно, – ответил Карлос. – И, конечно же, на меня, как снег на голову, свалился этот ребенок-посыльный с пустыми глазами, а вы знаете, как много времени требуется Городскому совету, чтобы забрать своих курьеров. Кончилось тем, что мне пришлось три недели возить девочку в школу. Завтра мы собираемся на ее выпуск из восьмого класса.

– Ой, здорово.

– Очень здорово. Но я не позволю Городскому совету помешать мне в моих попытках предотвратить пагубное воздействие параллельного мира. Они ведь пытаются меня остановить.

Вот так все развивалось.

Карлос решил произвести замеры дома, который не существует, с использованием измерителя стен из его кабинета. Для замеров прибор использовал радар, микроволны и лазер, изрыгая цифры и пронзительно жужжа.

Часто, особенно в жаркие дни, окна гостиной в доме, который не существует, оставляли открытыми, и Карлос мог попытаться измерить расстояние между несуществующей внешней частью дома и внутренней частью параллельной вселенной. Проверка на входы в параллельные миры и лазерные измерения их глубин – обычные составляющие осмотра любого нового дома, так что он просто использовал этот прибор для своих экспериментальных целей. Если заглянуть в окно несуществующего дома, все походило на типичную гостиную: кресло, кушетка, громкоговоритель без регулятора громкости для распространения правительственной пропаганды, запасная кушетка. Обычная обстановка. Но он знал, что это всего лишь оптический обман, или фантазия – научный термин для обозначения лжи.

Когда Карлос включил свой прибор, все пошло совершенно не так, как он предполагал. Раздался грохот, исходивший глубоко из-под песков пустыни. Прибор потряс землю. Все очень походило на землетрясение, но не рукотворное или обозначенное в городском календаре естественное землетрясение. Вибрация и шум сделали все замеры бесполезными.

Изначально предполагалось, что наука – дело непростое. В конечном итоге, что она такое, как не сборище заскучавших людей, пытающихся бросить вызов самим себе, когда вера сде-

лалась слишком легкой? Поэтому он снова установил прибор, тщательно его откалибровал, а потом опять включил. И снова, когда он нажал на кнопку, раздался грохот. Эксперимент провалился.

– Кто-то за мной наблюдает. Каждый раз, когда я пытаюсь провести эксперимент, раздается грохот, и все идет насмарку. Кто-то не хочет, чтобы дом исследовали. Я полагаю, что у того, кто пытается меня остановить, есть противодействующий прибор, мешающий моим исследованиям.

Карлос развернул третью схему – на этот раз карту с расположением источников грохота, представлявших собой серию оранжевых пятен в пустыне, окружающих город.

– Наряду с сейсмической активностью, сводящей на нет мои измерения, похоже, имеют место перемещения земной поверхности. Начали пропадать люди.

– Но кому нужно скрывать правду? – спросила Ниланджана. – Помимо Тайной полиции, Городского совета, мэра, неограниченного количества мировых правительств и сил вторжения из других миров?

– Вот именно что, – ответил Карлос. – Наиболее вероятно, что это Городской совет, поскольку он меня уже предупреждал.

Карлос попросил аудиенции у Городского совета, что явилось смелым шагом. Какое бы многообразное и разноразмерное чудовище ни обитало в залах совета, выпуская дым, серу и постановления, оно обладало ненасытной тягой и вкусом к человеческим существам. Но Карлос ставил науку и свой город выше всех остальных забот, поэтому он надел огнеупорный лабораторный костюм и завязал глаза, чтобы избежать ужаса созерцания извивающихся членов совета, после чего отправился в мэрию.

– Кто это делает? – спросил он.

– Что делает? – отозвался Городской совет многоголосым, звучащим отовсюду хором. – Мы недавно были в отпуске. Мы ничего не делали. В чем же ты нас обвиняешь?

– В срыве моих экспериментов с домом, который не существует. В том, что вы препятствуете моему намерению понять то, что мне нужно понять.

Совет зашипел.

– Тебе же велели это прекратить. Наше терпение не безгранично.

– Значит, это все-таки вы срывали мои эксперименты при помощи грохота из-под земли?

– Глупый ученый. Правдоискатель. Ты считаешь, что только тебя интересует этот дом? Многие хотят обладать заключенной в нем мощью и властью.

– Какой мощью и властью? Кто эти люди?

– Мы и так сказали слишком много. Нам бы следовало тебя проглотить, но есть влиятельные фигуры в средствах массовой информации, которые тебя защищают, и ты не стоишь тех неприятностей, которые мы от них наживем. Исчезни, пока тебе даруют жизнь.

– Какой мощью и властью обладает дом? Что вы знаете?

Совет взревел. Вокруг шеи Карлоса обвилась влажная рыхлая рука.

– Словотворец предупреждал нас о чем-то таком, что только и ждет, чтобы войти к нам в город. Ты заглядываешь в двери, которые не следует открывать. Прекрати свои исследования, или их прекратят за тебя.

Влажные пальцы сильнее сжали его шею. Карлос попятился. Пальцы разжались, отпуская его, и он шагнул назад, ощущая запах протекшего аккумулятора, кислую вонь, забравшуюся ему под язык.

– Словотворец? – переспросила Ниланджана. Сама того не замечая, она навалилась на стол, захваченная рассказом. – А кто это?

– Понятия не имею, – ответил Карлос. – Раньше никогда не слышал ничего подобного. Вот еще одна загадка. Загадка на загадке и загадкой погоняет. – Он потянул за шнур, и все три схемы свернулись с громким шуршанием.

- Похоже, мои исследования достигли точки, дальше которой мне не продвинуться.
- Вы не можете сдать лишь потому, что так хочет Городской совет.

– Боюсь, Нилс, что именно это мне и придется сделать. – Карлос вздохнул, поднялся и выглянул в окно на растрескавшийся асфальт у одноэтажного торгового центра, в котором располагалась лаборатория.

На парковке стояло несколько машин. Проголодавшиеся горожане остановились перекусить в соседней пиццерии «Большой Рико». Подростки выискивали тихое местечко, где можно было бы целоваться или со страхом смотреть в бездну вечернего неба. Черные седаны без номерных знаков, набитые одетыми в костюмы правительственными агентами с незапоминающимися лицами, подслушивали каждое произнесенное слово.

– Наука – это бескомпромиссный поиск истины. Но наука должна делаться в течение человеческой жизни. А человеческая жизнь – сплошной компромисс. Особенно здесь, в нашем осторожном и настороженном городке.

Карлос наклонил голову и посмотрел на черные автомобили. Потом повернулся к Ниланджане и одними губами спросил:

- Вы понимаете?

Она кивнула.

– Нилс, я никогда бы не попросил вас помочь мне продолжить этот эксперимент. Я никогда бы не попросил вас попытаться найти источник грохота. Слишком опасно и дальше заниматься этим вопросом. Но если бы я вас все-таки попросил, у вас есть полное право выйти за дверь и вернуться к своим бактериям.

– Почему вы попросили бы меня, а не кого-то из других ученых? – спросила она. – В том смысле, если бы вы действительно планировали продолжить эксперимент, чего вы явно делать не собираетесь.

Из-за двери кабинета внезапно раздался оглушительный грохот, мелькнула яркая вспышка, видимая через полосу у пола. Они услышали, как Луиза вскрикнула:

- Ты сплошное разочарование!

Было неясно, адресована ли эта реплика Марку или картофелине.

Карлос бросил быстрый взгляд на дверь, а потом снова на Ниланджану, улыбнулся ей и протянул руку. Она приняла его руку и понимающе кивнула.

Эксперимент, которому мешают. Связанный с домом, которого не существует. Загадка, которой боится Городской совет. И человек или какая-то сущность, выступающая под именем Словотворец. Это представлялось трудным, почти невозможным для понимания. Однако благодаря научной работе она знала, как поступать с невозможным: собирай данные, выдвигай гипотезы, проверяй гипотезы. Используй полученные знания для сбора новых данных, и вскоре невозможное превратится в тонкую и податливую преграду.

Она начнет с наиболее реальной и измеряемой части загадки. С грохота в пустыне.

– Боюсь, что ничем не смогу вам помочь, – сказала Ниланджана, направляясь к двери. – Прошу прощения, я должна избавиться от бактерий и отправиться в пустыню. У меня есть личные дела, которыми мне необходимо заняться.

- Спасибо, – одними губами произнес он.

Ниланджана смахнула свой бесполезный провалившийся эксперимент со стола в мусорную корзину. Луиза искоса посмотрела на нее смущенным взглядом, ненадолго расставшись с выражением застывшего на лице разочарования. Ниланджана вышла на улицу к машине.

Включив двигатель, она обнаружила, что смеется – смеется от настоящей радости, не понимая, откуда эта радость взялась.

Во что она ввязывается? Она рассмеялась счастливым смехом: она понятия не имела.

Глава 4

Дэррил Рамирес сказал бариста, перелившему его американо через край, что все в порядке. Такое со всяким может случиться, и не надо себя за это корить. Но бариста злобно на него посмотрел, закатил глаза, вытер лужицу несколькими быстрыми недовольными движениями, а потом резко придвинул ему чашку. Дэррил обнаружил, что извиняется, хотя это его кофе пролили.

Дэррил извинялся совершенно искренне. Он всегда ко всему относился серьезно, но что-то в его манере заставляло других считать, что в ней сквозит сарказм или фальшь. Искренняя попытка подбодрить бариста после совершенной им ошибки была воспринята как насмешка над его неспособностью выполнить то, что, несмотря на постоянные громкие заявления местных бариста, считалось довольно простой работой. Дэррил поблагодарил бариста, а потом добавил: «Верьте в Улыбающегося Бога, друг мой», сделав при этом круговые движения поднятым вверх кулаком. Но бариста уже готовил кофе кому-то другому.

Дэррил подумал, что это был результат его многолетнего пребывания в церкви. Церковь побуждала своих членов к тому, чтобы те обращали к миру счастливые лица, – в этом заключалось благородное стремление к повсеместному распространению радости, но в конечном итоге внешние проявления ставились выше действительной связи с чувствами человека. В результате, когда он и вправду ощущал что-то позитивное, это воспринималось как фальшь всеми, кто не принадлежал к радостным последователям Улыбающегося Бога. Или, возможно, подумал Дэррил, я просто плохо схожусь с людьми. По крайней мере, в том, что касается личных отношений. Он с самого детства приучился все записывать, если хотел сказать что-нибудь важное, дабы его интонация и выражение лица не влияли на смысл сказанного.

Услышав его голос, Ниланджана подняла глаза и, увидев реакцию бариста, решила, что Дэррил на него накричал. Кричать на бариста в Найт-Вэйле было обычным делом. И не потому, что бариста плохо справлялись со своей работой или были неприятными людьми. Совсем наоборот. Район бариста был густо населен талантливыми кофеварами и заядлыми кофеманами. На Гэллоуэй-роуд располагался целый квартал с шестью кофейнями. Для города, расположенного в пустыне, люди здесь чрезвычайно серьезно относились к горячему кофе.

Именно из-за вежливости и талантливости, присущих бариста, люди так грубо с ними и обходились. При таком большом количестве кофеен условия на рынке диктовали потребители. К тому же в самой человеческой природе заложено стремление вести себя с вежливыми людьми хуже, чем с грубыми. Куда проще взять верх над человеком, неспособным дать серьезный отпор. Грубияны же обычно дерутся отчаянно, так что не стоит их раззадоривать.

Ниланджана наблюдала, как Дэррил, которого она почти наверняка встречала раньше, добавил в свой кофе капельку сливок и тщательно его размешал. Она отдала должное его аккуратности и методичности, но именно это ей в нем и не понравилось.

Она отправилась в пустыню прямо из лаборатории, но место, где Карлос обнаружил грохот, с недавних пор кишело лицами из неназванного, но грозного правительственного агентства. Это было неудивительно. Представители всевозможнейших агентств обычно тщательно исследовали и протоколировали все новое, что происходило в городе. Они скоро закончат, и она сможет побыть в этом месте одна. А пока что она заглянула в свою любимую кофейню под названием «Остроконечный молоток», где можно было спрятаться от жары и посидеть, ничего не делая, за столиком, – это было лучше, чем сидеть, ничего не делая, в своей машине.

Ее кофе был налит в пол-литровую кружку и заварен через фильтр (на эспрессо уходило слишком много времени), ровно с двумя столовыми ложками молока и тремя пакетиками сахара. Иногда она добавляла в него половину столовой ложки специй, подававшихся в кофейне: корицы, мускатного ореха, паприки, металлической стружки и так далее. Ей про-

сто хотелось горячего кофеина, и любые добавки, делавшие его пригодным для питья, были бонусом.

На столе перед Ниланджаной строго по порядку были разложены заметки об утренней встрече с Карлосом. Она сидела, зажав в руке ручку, словно что-то писала, но на самом деле была поглощена мыслями ни о чем и погружена в созерцание ничего. Она наблюдала за Дэррилом, пытаясь понять, знаком он ей каким-то образом или нет. Его заметная неловкость в общении с бариста, затем его доброта, а потом явное религиозное рвение... Она размышляла о множестве способов, которыми она могла пересечься с незнакомым человеком, и ее мысли расплывались в разные стороны. Она смотрела на него, но теперь уже на пустое место, где он раньше сидел, – на листовки, пришпиленные к доске объявлений.

Одна из них гласила: «УЧИТЕСЬ ИГРАТЬ НА ГИТАРЕ!» Ниже, шрифтом помельче, было написано: «Согласно постановлению Городского совета 12.546В, вступившему в силу 1 августа, преступление, заключающееся в неумении играть на гитаре, карается максимальным штрафом в 12 000 долларов и трехлетним тюремным заключением. Учитесь играть на гитаре прямо сегодня!»

На другой листовке красовалась фотография велосипеда: «Вы видели этот велосипед? Он никогда не существовал в этой вселенной и в этом временном измерении. Если вы видели этот велосипед, пожалуйста, немедленно свяжитесь со мной. Мне нужно вернуться домой». Ни имя, ни контактная информация не были указаны.

Ниланджана снова услышала голос Дэррила. Он разговаривал с другим завсегдатаем кафе, делая круговые движения поднятым кулаком, а потом протянул ему небольшую брошюру. Все это время он со значением улыбался. Его собеседник улыбался безо всякого значения. Люди рядом с ним сказали: «Прекрати», – а потом зажали уши руками и стали качать головами, пока Дэррил не перестал говорить и не отошел.

Он подходил ко многим в кафе, каждый раз спрашивая: «А вы знаете об Улыбающемся Боге?» – и вертя кулаком. Один из посетителей ответил ему тем же жестом. Они посмотрели друг другу в глаза, десять секунд вместе потянули одну тихую ноту, после чего разошлись и вели себя так, словно вообще никогда не встречались. Дэррил взглянул на часы и завел разговор с очередным незнакомцем.

Часы напомнили Ниланджане, откуда она знает Дэррила. Примерно два года назад она со своей коллегой-ученой Конни проводила исследование времени, изучая настенные и наручные часы, купленные в различных магазинах города. Дэррил работал в одном из таких магазинов («Следи за своим временем»).

Тогда он не согласился с ней, что время – странное понятие. Она пыталась изложить ему научную точку зрения, показывая схемы и цифровые модели, демонстрировавшие, что каждая единица времени остается неизменной и почти везде в мире время для людей движется вперед, хотя в Найт-Вэйле оно постоянно меняется: иногда минуты отсчитываются назад или скачут вперед, двигаясь для разных людей по-разному, так что некоторые в течение нескольких веков остаются девятнадцатилетними, совершенно не старея. Ниланджана с Конни изучили несколько подобных крайностей, однако Дэррил оставался невосприимчив к логическим доводам. Он верил в то, что представлялось ему единственно верным, а именно, что время абсолютно нормально.

Ниланджана вернулась к своим заметкам и плану действий по изучению грохота в пустыне, одновременно продолжая прокручивать в голове те утомительные разговоры о времени. Забывшись, она потянулась за заметками, задела кружку с кофе и тихонько взвизгнула.

Люди в кофейне посмотрели на Ниланджану. Она прожила в этом городе четыре года. Или казалось, что четыре. Время, как бы Дэррил ни настаивал, текло здесь странно, так что она понятия не имела, как давно она сюда приехала.

– Чужачка! – крикнул кто-то. Другой посетитель последовал его примеру. На нее показывали пальцами. Раздался еще один крик:

– Чужачка!

Дальше этого скандал не разгорелся. Было утро буднего дня. Люди думали о работе и много о чем еще. Им вовсе не хотелось превращаться в разгоряченную толпу. Кроме того, некоторые из присутствующих знали Ниланджану. Она много раз заходила в «Остроконечный молоток». За все те годы, что она прожила в Найт-Вэйле, они не могли не заметить ее.

И все же, хоть они ее и узнали, они показывали на нее пальцами и кричали. Она приехала в этот город по той же причине, что и все остальные ученые: потому что он был самым интересным местом в Америке с научной точки зрения. И в этом отношении он ее не разочаровал. Но в нем еще присутствовало истинное ощущение соседства. Люди чувствовали себя здесь своими, любили друг друга и знали своих соседей. И именно поэтому она считала, что не до конца их понимает. Даже спустя четыре года она ловила себя на том, что ее приводят в замешательство простые вещи, которые коренные обитатели города принимали как должное.

– Но почему объявлены вне закона письменные принадлежности? – спрашивала она.

И Мишель из «Дарк оул рекордз», или Фрэнсис Дональдсон, владелица Антикварного пассажа, или любой другой, с кем она в тот момент разговаривала, посмотрев на нее с иронией и удивлением, отвечал:

– Потому что они незаконны.

Затем Ниланджана спрашивала, почему все дорожные указатели заменили усталыми городскими служащими, регулировавшими движение взмахами семафорных флажков, а ее собеседник или собеседница вздыхали и говорили:

– А почему небо голубое? А почему луна ненастоящая? А почему то и это?

Или же показывали на нее пальцами и начинали нараспев выводить:

– Чу-жач-ка!

Она спросила об этом Карлоса:

– Вы ведь тоже не отсюда. Вас, наверное, все время обзывают «чужаком». Что люди под этим подразумевают?

Карлос ответил, что его почти перестали обзывать «чужаком», когда он начал встречаться с Сесилом, а как только они поженились, подобные выкрики и вовсе прекратились.

– Думаю, я наконец-то стал одним из них, – небрежно заключил он, и его слова отдались в груди Ниланджаны жгучей завистью.

Затем он пояснил, что слово «чужак» являлось у местных жителей своего рода выражением дружеского расположения. Он как-то чихнул в кафе-мороженом, и ему со всех сторон десятков раз крикнули «Чужак!», после чего небольшая толпа подняла его на руки и понесла по улицам. Он пришел в ужас, однако вскоре они устали и через несколько кварталов опустили его на землю.

Карлос сказал ей, что у жителей Найт-Вэйла это было эквивалентом фразы «будьте здоровы».

– Вы из-за этого не переживайте. Уверен, что вы довольно скоро тут пообвыкнете.

– Но ведь прошло четыре года! – возразила она.

Карлос оставил то, чем занимался, и добрым взглядом посмотрел на нее поверх очков.

– Может, дело не в том, чтобы они вас приняли. Возможно, это вам нужно сперва принять их.

Она их приняла. Иначе зачем бы она приехала сюда их изучать? Но если уж быть честной с самой собой, сумбурные странности города, где любое объяснение, данное любому необычному явлению, тотчас же опрокидывалось другим необычным событием, бросали вызов ее стремлению к стройности и упорядоченности.

– По-моему, я их приняла, – ответила она. – Однако тут все странно, верно?

Карлос мрачно кивнул.

– Тут все *более чем* странно, – произнес он, возвращаясь к работе.

Ниланджана была рада, что Карлос настроен так оптимистично. Ему, наверное, легче, подумала она, потому что мужчин не так сильно, как женщин, пугают окрики на улице. К тому же у него был муж, а прочность отношений способна заставить человека почувствовать себя как дома, потому что ему есть на кого опереться. Карлос может пережить неудачнейший день, но потом он вернется домой к Сесилу, где, по крайней мере, его кто-то выслушает, когда он скажет:

– Знаешь, у меня дела совсем ни к черту. Может, послушаешь, что стряслось?

Это кое-чего да стоит, подумала Ниланджана. У нее самой в городе не было даже близкой подруги. Они с Конни прекрасно ладили, когда работали вместе, но Конни тоже была не из этих мест, к тому же чуть позже она исчезла во время расследования жутких происшествий, связанных с пластиковыми фламинго. С тех пор Ниланджана не очень-то заговаривала с людьми за пределами лаборатории. И неудивительно, что люди показывали на нее пальцами и кричали:

– Чужачка!

Посетители кофейни успокоились. Кое-кто продолжал показывать пальцем и тарашиться на нее, но уже не так усердно. Когда Ниланджана вернулась к своим заметкам, она почувствовала, что рядом кто-то есть. Она увидела, как на бумаги легла тень, а веселый голос нараспев произнес:

– Можно поговорить с вами об Улыбающемся Боге?

Ниланджана увидела, как тень покрутила поднятым кулаком. В веселом голосе явственно прозвучала фальшь.

– Вы Дэррил, верно? – торопливо спросила она, надеясь охладить его религиозный пыл. Он пристально смотрел ей в лицо, продолжая машинально улыбаясь.

– Да, привет. Я вас помню, – ответил он почти убедительно. – Нила...

– Ниланджана, верно!

– Чужачка, – произнес кто-то.

– Как хорошо, что мы снова встретились.

Повисла пауза, во время которой люди обычно обнимаются или пожимают друг другу руки, но они ничего подобного не сделали, лишь пару секунд вежливо помолчали.

– Кто-то что-то продвигает? – наконец спросила Ниланджана, показывая на брошюры.

– Ну, дело тут не в продвижении. У меня нет цели что-то продать. Просто хочу убедиться, что люди знают об этой великой организации. Может, она способна спасти им жизнь, как спасла мне.

– Классно. Борьба за праведное дело. Скажите, который час?

Он посмотрел на часы.

– Десять тридцать. Я вас задерживаю?

Ниланджана записала у себя в тетради «10:30».

– Пока нет. Значит, вы ходите по кофейням и раздаете религиозные листовки о...

– Радостных последователях Улыбающегося Бога. Вот. – Он протянул ей брошюру.

Одним плавным движением она взяла ее и положила в сумочку, продолжая смотреть Дэррилу прямо в глаза.

– Я прочитаю.

– Мои родители были членами братства. Когда я рос, мне это не очень нравилось. Сами знаете, как все воспринимается в детстве. Меня раздражали проповеди, поездки на богомолье на природу и все такое. Но когда мои родители умерли...

– О, мне очень жаль.

– Ничего страшного. Прошло уже двенадцать лет. Но после той аварии все в братстве мне помогали. Какие-то друзья и их родители разрешали мне пожить у них, пока я учился в школе.

Отец с матерью оставили мне не очень много денег, но братство объявило сбор, чтобы купить одежду, еду и даже заплатить за колледж. Я всем обязан нашему обществу. Поэтому делаю все, что в моих силах, чтобы помочь другим обрести свой путь туда. Это хорошая церковь, хорошие люди.

– Похоже, что так оно и есть.

– Прочтите буклет, там о нас больше написано.

– Ну, классно было снова с вами встретиться. – Она принялась укладывать вещи в сумочку. – Мне пора.

– Конечно. Всех благ. – Он покрутил поднятым кулаком.

– И вам тоже. Да, который час?

– Десять двадцать восемь. Надеюсь, я вас не задерживаю.

– Не-а. Все нормально. – Ниланджана широко улыбнулась, записала в тетради «10:28», потом аккуратно положила ее в особый кармашек сумочки и встала. Время – странная штука, Дэррил, подумала она.

– Удачи вам со... – сказала она, показывая на зал кофейни, полный потенциальных неофитов, – всем этим.

Ниланджана вышла из кафе под несколько вялых возгласов «чужачка» и звон дверного колокольчика. На улице пахло можжевельником и соснами. Когда она ехала по опустевшим дорогам через лесостепь в пустыню, она видела, как под утренним небом облака плыли в обратную сторону.

Глава 5

Служащие неназванного, но грозного правительственного агентства закончили осмотр площадки и огородили весь участок лентой с надписью: «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО! ПРОСЬБА НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ И ДАЖЕ ДОЛГО НЕ СМОТРЕТЬ!» Ниланджана откинула ленту. Все агенты уже уехали на расследование очередного события в Найт-Вэйле, и никто не остался охранять ограждение.

Яма оказалась больше, чем она себе представляла. Основываясь на имеющихся данных, она рассчитывала увидеть провал размером с автомобиль или около того. Но яма была по крайней мере с дом, а может, и больше. На самом деле она вмещала в себя дом с садом. Ниланджана посмотрела на почтовый ящик, нависший над провалом, словно смельчак, приготовившийся к прыжку.

Оглядываясь, она поняла, что испытывает не печаль, но что-то близкое к ней. Здесь жил торговец подержанными автомобилями, а дальше стоял дом Старухи Джози. Значит, это дом Ларри Лероя. Или это когда-то был дом Ларри Лероя. А теперь дом и, предположительно, Ларри вместе с ним исчезли. Ниланджана не очень хорошо знала Ларри, поскольку не очень хорошо знала кого-нибудь из своих теперешних новых земляков. Но он всегда казался добрым и сдержанным. Ей нравилось, что он, похоже, не нуждался ни в чьем-то одобрении, ни в чьем-то порицании, чтобы спокойно жить. Он просто жил своей жизнью на краю города вплоть до того момента, пока не разыгралась трагедия.

Ниланджана распаковала лежавшие в багажнике среди инструментов и принадлежностей приборы и инвентарь: измеритель уровня мощности, комплект стеклянных банок для взятия проб почвы и объемный металлический ящик с несколькими мигающими огоньками на передней панели и цветными кнопками сверху. Она по опыту знала, что в таком интересном с научной точки зрения месте, как Найт-Вэйл, лучше всегда иметь с собой набор для полевых исследований на тот случай, если вдруг появится путешествующий во времени с предупреждением из будущего, или собака встанет на задние лапы и начнет говорить. Оба эти события произошли у нее на глазах. И в обоих случаях у нее не оказалось с собой необходимой аппаратуры для их изучения, и тогда она пообещала себе, что впредь никогда не допустит подобной оплошности.

С технической точки зрения ящик не являлся компьютером. Это был просто ящик с мигающими огоньками, помогавший обрабатывать данные. Администрация Найт-Вэйла не так-то легко выдавала разрешения на владение компьютером, поэтому исследователям, математикам, программистам и фанатам видеоигр приходилось производить одно из нижеперечисленных действий:

1. Попытаться выполнить всю работу вручную. Это в особенности расстраивало программистов.
2. Выдержать долгую бюрократическую процедуру получения разрешения на компьютер. Ожидание длиною в несколько месяцев нередко заканчивалось отказом, основанным на незначительной ошибке в оформлении бумаг.
3. Использовать семантические лазейки определений, что является компьютером, а что им не является. Например, телефон может быть, а может не быть компьютером в зависимости от того, как вы им пользуетесь. Металлический ящик Ниланджаны с мигающими огоньками не является компьютером, это просто инновационный прибор. Некоторые птицы не являются компьютерами, но, конечно же, большинство их таковыми являются, и лишь правительство может владеть птицами или производить их.

Карлос обходил отсутствие разрешений на компьютеры перераспределением вычислительных задач в десятки эзотерических машин, каждую из которых можно было легко принять за куда более простое и менее регулируемое устройство вроде компактного музыкального центра, самодельной бомбы или снежного кома.

Ниланджана была родом из Индианы, где закон разрешал иметь компьютеры. Ни одно из правительственных агентств не ограничивало вас в праве использовать любые компьютеры и в любом количестве. Это было отдано на усмотрение гигантских корпораций, которые контролировали доступность информации и охотно вступали в артельные соглашения, устанавливая цены для потребителей и таким образом обеспечивая свободный доступ к информации тем, кто мог себе это позволить. Ниланджане все это представлялось вполне естественным, пока она не узнала о городе под названием Найт-Вэйл. Вообще-то она о нем не узнала, ей просто внезапно стало о нем известно. В Индиане больше никто не слышал о таком месте и не мог найти в интернете никаких упоминаний о нем. Но однажды ей стало известно, что город существует и что он представляет собой самое интересное место в Америке с научной точки зрения. Когда Ниланджана уезжала из дома, у нее не было с собой карты, и она не знала маршрута, по которому ехать, и все же в конечном итоге ей удалось добраться до Найт-Вэйла. Это была обычная история для тех жителей Найт-Вэйла, которые выросли в других краях.

Здесь не существовало никакого естественного хода вещей, лишь изощренные хитро-сплетения конкурирующих глобальных заговоров. Со времени своего приезда Ниланджана так и не сумела к ним привыкнуть. И полагала, что никогда не привыкнет.

Она поставила мигающий металлический ящик на край ямы и нажала несколько цветных кнопок сверху. Ящик едва заметно затрясся, издав негромкое жужжание, словно пульт управления сигнализацией.

Пока ящик проводил анализ, она произвела визуальный осмотр площадки. Стены провала были почти вертикальными, не очень сильно сужаясь книзу. Дно было плоским и казалось влажным. Сама яма для своих размеров была мелкой. Если бы туда провалился дом, виднелись бы его обломки. Но все выглядело так, словно дом проглотило целиком. Или не проглотило. «Проглотило», похоже, предполагало нечто живое, животное, и это было плохое предположение. Ниланджана пыталась придумать более точное определение вместо слова «проглотило», но вскоре бросила попытки, остановившись на «съело». Дом исчез, и ей нужно было сообразить, куда он делся.

Она надела перчатки и взяла немного влажной грязи с края ямы. Влага была густой и вязкой. Не как тина. Земля не то чтобы намокла, а как будто расплавилась. На ощупь она была горячей. Даже горячее, чем окружающая провал пустыня. Ниланджана попыталась записать это в своем журнале, но резиновые перчатки слипались. Земля застыла у нее в пальцах, как смола.

Ниланджана собрала еще немного грязи, добавила к ней несколько камешков, трех ящериц, совершенно равнодушных к тому, в каком направлении потечет дальше их жизнь, и кусочек кактуса. Вдруг ей показалось, что она услышала смешавшийся со звуками ветра прерывистый шум – вроде переключения передач в машине или быстрого топота мышиных лапок. Похоже, шум исходил у нее из-под ног, но всякий раз, когда она напряженно прислушивалась, он прекращался. Как ученому, ей ничего не оставалось, кроме как усомниться в том, что она вообще что-то слышала.

Гипотеза. Полное исчезновение дома, пристроек и тела Ларри Лероя чрезвычайно ее взволновало, и обычные фоновые шумы, на которые, как правило, не обращаешь внимания, теперь усиливались и анализировались ее сознанием.

Ниланджана присела на камень рядом с провалом, пытаясь что-нибудь написать для отчета, но ее рука с авторучкой зависла над пустой страницей, пока она думала, как сформулировать цель своего эксперимента. Было трудно понять, какую гипотезу поддерживали взятые ею образцы и общая обстановка.

Имелся дом, который не существовал. Это был вход в параллельный мир пустыни, где Карлос в свое время провел в заточении год. Когда он пытался обследовать дом или что-то проделать с параллельным миром, начинался грохот, следствием которого были провал эксперимента и исчезновение некоторой части Найт-Вэйла. Муниципалитет потребовал от него прекратить вмешательство.

Гипотеза. Городской совет использовал какую-то неизвестную силу, чтобы пресечь попытки Карлоса исследовать параллельный мир.

Подтверждающее свидетельство. Городской совет неоднократно приказывал ему все прекратить. У него имелись связи с неким числом правительственных агентств и высшим руководством ящериц, способные привести к катастрофе, на одном из последствий которой она в настоящий момент сидела. И еще был Словотворец, который снабдил Городской совет какой-то очень важной информацией, подтолкнувшей его к тому, чтобы приказать Карлосу прекратить эксперименты. В чем заключалась цель этого Словотворца? На кого они работали?

– Мы не впустим эту штуку в наш город, – заявил совет Карлосу.

Что представляет собой «эта штука»? Тут ей снова вспомнились слова вроде «проглатывать», «поедать», «поглощать». Они не были объективными терминами, а обозначали предположения, которые она не могла поддержать. Ниланджана попыталась отогнать их. Мы не впустим эту штуку в наш город.

Она посмотрела на пустынную лесостепь, плоскую и однообразную, за исключением случайных свежих ям, возникших в результате землетрясений, испытаний оружия, метеоритных дождей или чего-то еще. Или – о чем она старалась не думать – из-за некоей *штуки*. Но этому у нее не было доказательств. Она смотрела на ямы в земле, а перед ее глазами представляли чудовища. Она снова слышала прямо у себя под ногами шум, похожий на топот сотен лапок или работающий двигатель. Нет, у нее повышенная чувствительность к шуму. Звук просто исходил от вертолета у нее над головой. Вертолеты были обыденной частью повседневной жизни.

Облака рассеялись, и ветер стих. Вертолет резко выделялся на фоне безмолвной пустыни и бесконечного однообразия неба. И она тоже резко выделялась. Она старалась выглядеть непринужденно и естественно. Никто не должен был заметить, что она смотрит на вертолет, поскольку это вызвало бы подозрения. Но столь же подозрительным показалось бы не замечать вертолета, поскольку посреди лесостепи больше никого кроме них не было.

Ниланджана поступила, как хорошо воспитанный человек. Она заметила вертолет. Прикрыв рукой глаза от яркого солнца, вздрагивая под безоблачным белесым небом, она помахала ему.

– Привет, вертолет! Как там наверху? – крикнула она, уверенная, что управляющий этой машиной не расслышит ее из-за шума мотора.

– Привет, Чужачка! Тут все нормально. Спасибо, – раздался электрический голос из мегафона.

Яркое солнце нещадно било ей в глаза, когда она смотрела в небо. Она полезла в сумочку за темными очками, а когда их вытащила, в грязь у ее ног упала какая-то бумага.

– Что это такое? – отозвался вертолет. Из его борта выдвинулась антенна, сканируя бумагу красной лазерной сеткой.

Ниланджана подняла бумагу. Это оказалась брошюра Дэррила из общества радостных последователей Улыбающегося Бога. Металлический ящик продолжал пикать, и Ниланджана поняла, что ему еще далеко до завершения анализа. А еще она поняла, что ей далеко до понижения всех этих свидетельств, чем бы они ни были.

– Просто какая-то религиозная брошюра, которую мне дал парень в кофейне, – ответила она.

– Классно.

– Так, парень какой-то, – зачем-то добавила она.

– Ну да.

Ниланджана раскрыла брошюру. Пилот сделал круг и снизился, зависнув у нее за спиной. Они вместе стали читать о радостных последователях.

Глава 6

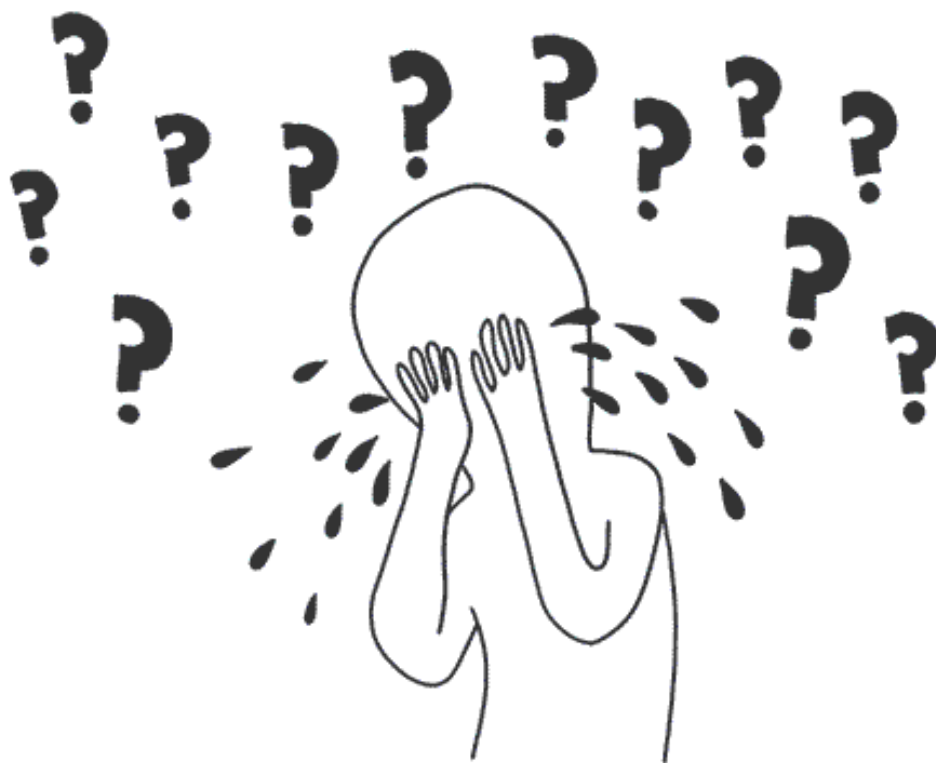

Вам грустно?

Вам не грустно?

Откуда вы знаете?

**Многие из нас грустят или не грустят,
или не знают, грустят или нет.**

**Если это вам знакомо, мы бы хотели
рассказать вам одну историю.
Это важная история, возможно,
самая важная из всех.**

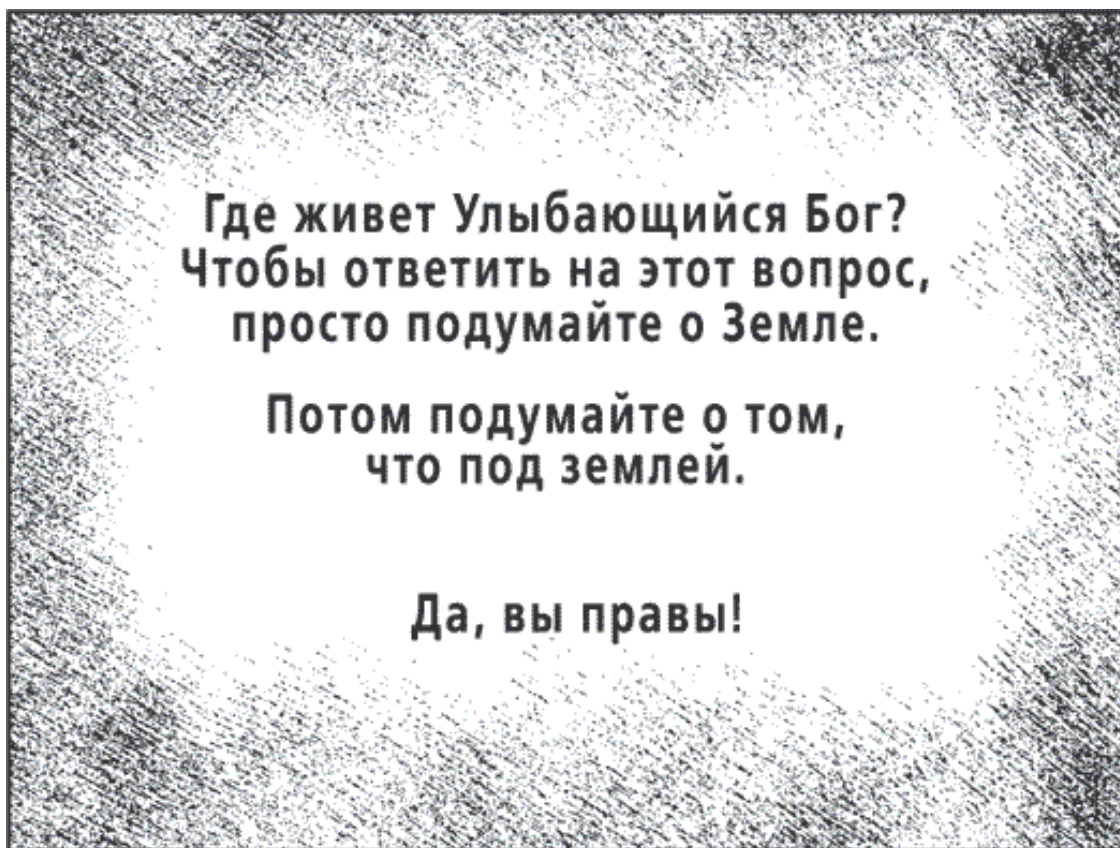
История об Улыбающемся Боге

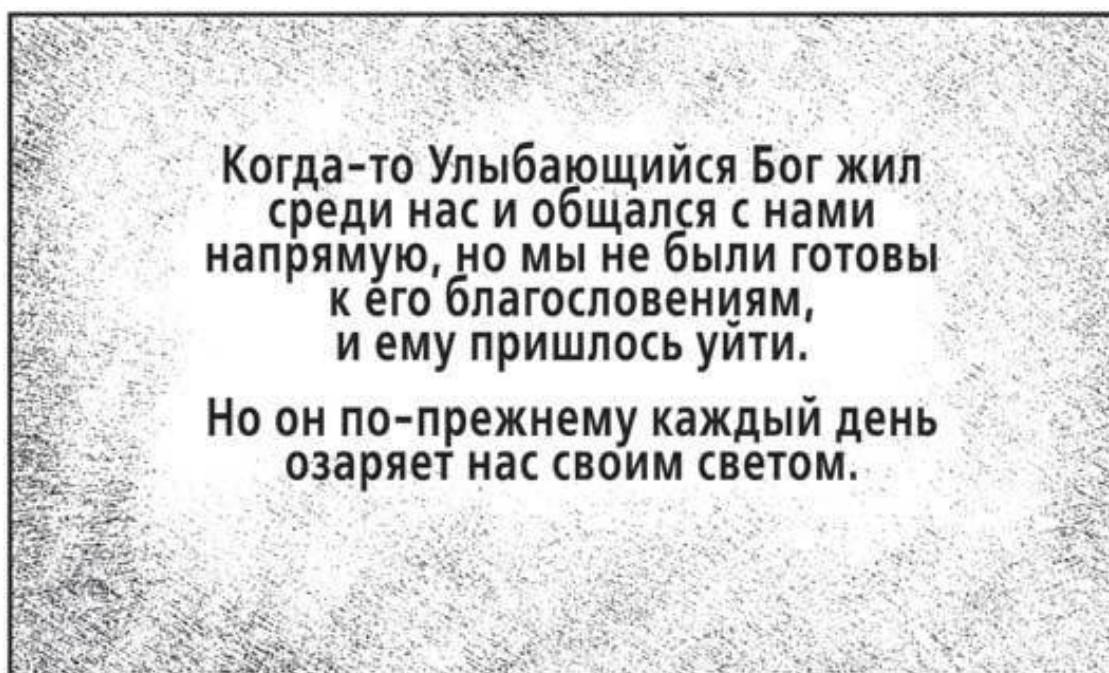

Потом появилось все.

Но Улыбающийся Бог
был всегда.

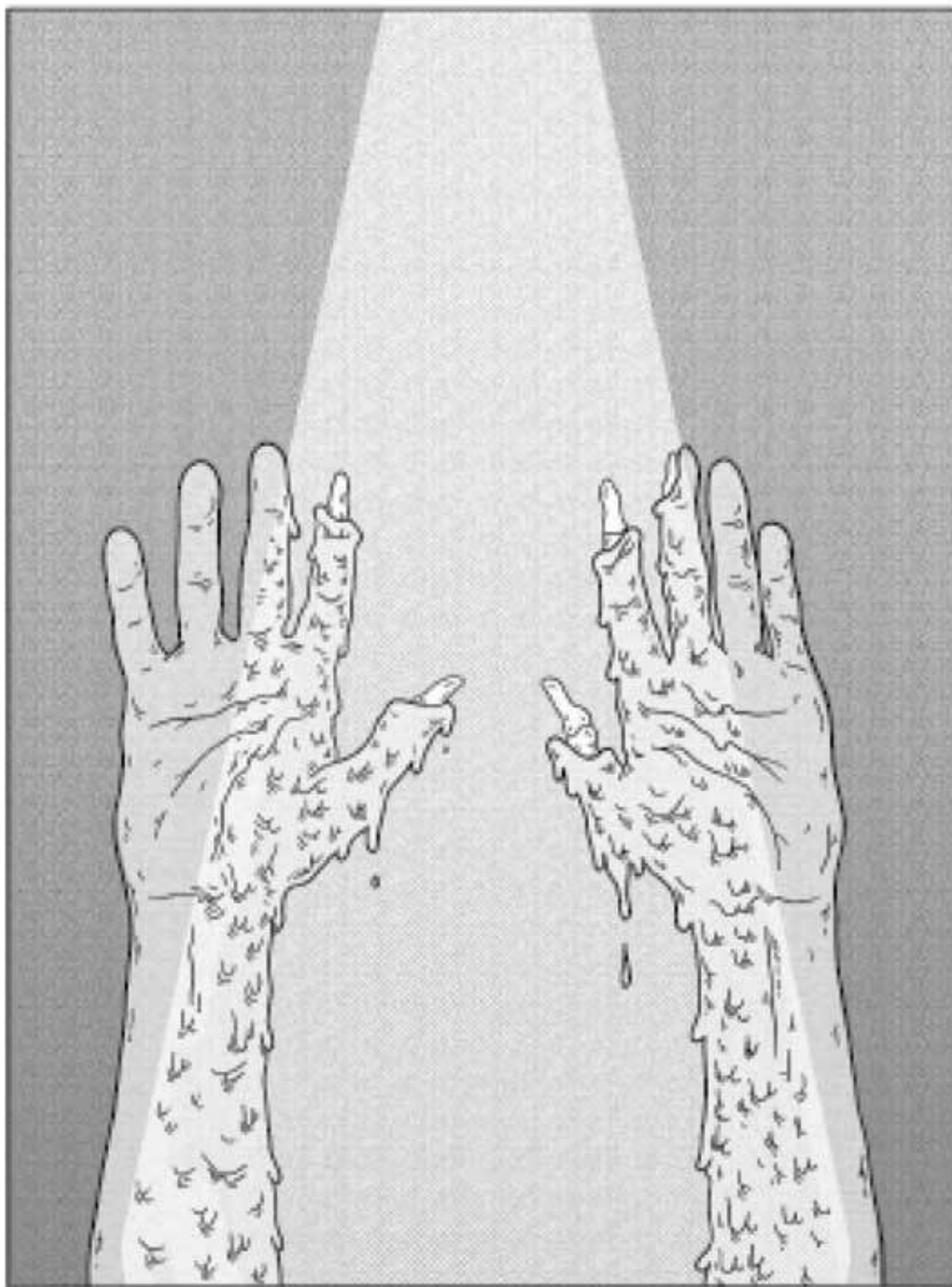
Улыбающийся Бог всегда был здесь.
Вы не сможете увидеть его (сначала!),
но повсюду вокруг себя вы видите его
силу. Улыбающийся Бог любит вас и
желает вам счастья.

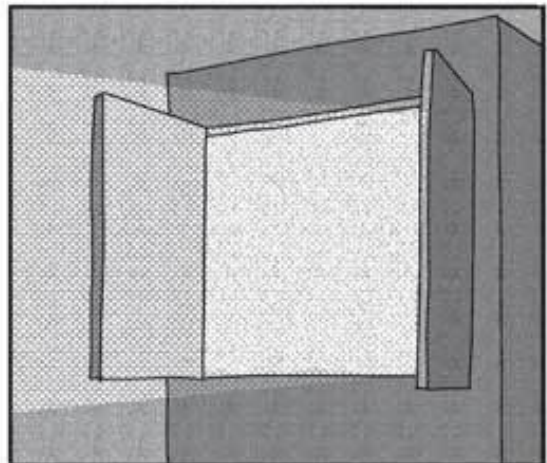
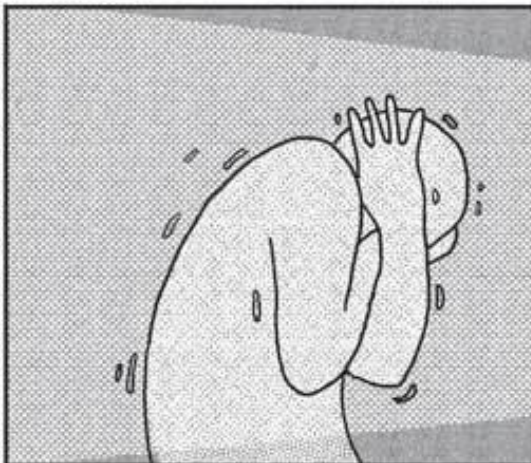

Нет, это не метафорический свет.

Вам известен тот свет, что иногда сияет в шкафах и подвалах, холодный свет, пронзающий вашу плоть холодом? Тот свет, что включается внезапно и вызывает в вас пустоту, выключается сразу и не имеет источника?

То есть свет Улыбающегося Бога. Вы уже видите плоды силы его. Это настоящая благодать!

Если вы примете Улыбающегося Бога в сердце свое и примете столько света его, сколько сможете выдержать без волдырей и слезающей кожи, то он возьмет все ваши заботы и проблемы, поднимется и поглотит их.

**Посмотрите, какая широкая у него улыбка!
Посмотрите, как широко простираются зубы его!**

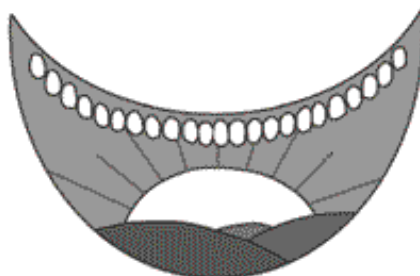
НО КАКОЕ ЭТО ИМЕЕТ ОТНОШЕНИЕ КО МНЕ?

У всех и у каждого из нас есть возможность и обязанность предаться Улыбающемуся Богу.

Мы проделываем это через веру, почитание и ежегодный ритуал кровопускания, а также, конечно, помогая другим среди нас обрести его любовь.

Ваши грехи? Он их поглотит. Ваши нежелательные вожделения? Он их поглотит. Ваши тяготы и тяжелые воспоминания, то, что вы желали сделать и не сделали, не желали сделать и сделали, не желали сделать и не сделали, — он поглотит все. Он делает это для вас, и улыбка его никогда не гаснет. Он поглотит. С величайшей радостью. С благодатью для всех нас.

Мы блаженны голодом его. Его улыбкой. Давайте же будем жить в любви Улыбающегося Бога!

Если вы захотите встать на путь поглощения всего худшего в вашей жизни Улыбающимся Богом, пожалуйста, свяжитесь с радостными последователями Улыбающегося Бога.

Этот информационный буклет составлен
во спасение ваше пастором Мунн
и подготовлен Словотворцем.

Глава 7

Второй раз за день Ниланджана столкнулась с человеком, известным как Словотворец. И она еще больше утвердилась в своем мнении. Наиболее вероятным предположением в отношении данной ситуации являлся злой умысел, а вовсе не совпадение естественных событий. Кто-то хотел помешать работе Карлоса, и этим человеком был либо сам Словотворец, либо тот, кто его использовал. И, скорее всего, Словотворец сотрудничал с радостными последователями Улыбающегося Бога.

Она не нашла ничего полезного во взятых из ямы пробах. Ее ящик с мигающими огоньками – определенно не компьютер – не выдал никаких ясных и точных результатов. Единственное имевшееся у нее конкретное свидетельство указывало на радостных последователей. И поэтому именно к ним она и отправится.

Вертолет висел в небе, пока она собирала вещи и складывала их в машину.

– Ну вот! – крикнула ему Ниланджана. – Приятно было повидаться. Хорошего вечера.

– Тебе тоже, Ниланджана, – отозвался мегафон. – Сам я человек не религиозный и думаю, что, возможно, все незнакомое порождает страх, но есть в этой церкви что-то сектантское.

– Да, – ответила Ниланджана. Не то чтобы *ответила*. Скорее этот звук сам вышел у нее из рта. Она шагнула, чтобы сесть в машину. – Ну, приятно было...

– Знаешь, хотя *сектантское* не очень справедливо, – продолжал мегафон, – я в том смысле, что брошюра – надеюсь, ты не возражаешь, что я немного подсмотрел через плечо, – в основном говорит о хорошем, так что, может...

Голос в мегафоне продолжал говорить. Ниланджана поставила одну ногу в машину и положила руку поверх открытой водительской двери. Она смотрела в глаза вертолету, насколько можно было смотреть в глаза большому летательному аппарату, но старалась не показывать интереса и не говорить ничего, что могло бы поддержать разговор.

– ...Никогда не ходил в церковь или в храм, или типа того, хотя в школе у меня были друзья, которым нравилось распевать религиозные гимны и играть на гитарах, – продолжал мегафон.

– Послушай, сколько в этом вертолете горячего? – сменила тему Ниланджана.

– Эти штуки горячим не заправляются.

– Что? Правда? А как ты лета...

– ЭТО ЗАКРЫТАЯ ИНФОРМАЦИЯ. ПОЧЕМУ ТЫ СПРАШИВАЕШЬ?

– Да просто так. Наука. – Она помахала рукой. – Спасибо, что составил компанию. Мне надо ехать.

– Ладно. Надеюсь, скоро увидимся. – Голос в мегафоне снова смягчился. – Так высоко над землей становится очень одиноко.

Ниланджана никогда не задумывалась над тем, что пилотам правительственных вертолетов одиноко на работе, но, по большому счету, она задумывалась лишь над ничтожно малой частью истинных вещей в мире, который практически целиком из них состоит.

Она направилась обратно к городу, в сторону церкви радостных последователей Улыбающегося Бога. Она не очень-то много знала об их вере, но ей было все равно. Некоторых вполне устраивали бог, вера и все остальное, но Ниланджана предпочитала графики и диаграммы.

После нескольких лет богослужений в витринах полупустых торговых центров в начале года наконец закончилось строительство главной церкви радостных последователей в Найт-Вэйле. Она стояла в нескольких километрах от шоссе номер 800, но с автострады была видна ее высокая серебристая колокольня. Заезжая на главную стоянку, Ниланджана на подсвеченном желтом плексиглазе прочитала полное название церкви. Внизу располагалась табличка с надписью:

УЛЫБАЮЩИЙСЯ БОГ БЛИЗКО. БУДЬ ПОГЛОЩЕННЫМ.

Ниланджана рассмеялась. Она обожала стенды у церквей. На них всегда красовались умные изречения или смешные опечатки. Вот как и на этом стенде. Очевидно, подразумевалось «Будь посвященным». Хотя слово «поглощенным» напомнило ей о пропавшем доме Ларри. О проглатывании, поедании. Чем дольше она на него смотрела, тем менее смешным казался стенд.

Здание церкви было современное, в деловом стиле, отделанное штукатуркой. Наполовину офисный центр, наполовину церковь – спроектированная так, чтобы заехать в нее по дороге куда-то еще. У задней стены возвышалась высокая колокольня. Отражая лучи яркого полуденного солнца, колокольня служила маяком проезжавшим мимо машинам и единственным архитектурным атрибутом здания, указывавшим на то, что внутри происходят богослужения. Другим украшением были входные двери, деревянные, под старину, словно принадлежавшие старинной церкви. Дверные ручки представляли собой большие железные кольца. По внутренней части каждого кольца торчали крохотные шипы. Из-за них братья за ручки было немного больно. Присмотревшись повнимательнее, Ниланджана поняла, что шипы имеют вид ножек. Кольца были изображениями насекомых-многоножек.

Искусственная старина дверей указывала на стремление братства казаться куда более старым. Это был брендинг в чистом виде. Если бы двери сошли за атрибут древней веры, то новая религия показалась бы жителям Найт-Вэйла заслуживающей большего доверия.

Так поступают корпорации и различные сети. Например, у «Средневековья» все заведения имеют псевдозамковый вид. А рестораны «Оливкового сада» построены в форме оливковых деревьев, и завсегдатаи ощущают дух тосканских кулинарных традиций, когда на лифте поднимаются по «стволу» на «дерево», где их помещают в вытянутые зеленые мешки и подвешивают на «ветках», словно листья, а официанты подают им гигантские оливки величиной в половину обычного посетителя. Но ведь это сетевые рестораны. В архитектуре же церкви сквозило нечто фальшивое, отдающее манипулированием.

Ниланджана снова взглянула на брошюру, и та напомнила ей о «Словотворце». Кто-то из этой церкви пытался использовать Городской совет против Карлоса.

«Что ты тут замышляешь?» – пробормотала она себе под нос, потянув за чугунную ручку. Двери не поддавались. Ниланджана была почти уверена, что они выполняют роль декорации. Она обошла здание сбоку и обнаружила скромную двойную стеклянную дверь, оказавшуюся незапертой. Как и все в церкви, за исключением деревянных дверей, она больше подходила офисному зданию где-нибудь в пригороде.

Войдя, Ниланджана вздрогнула от ударившей в нее струи воздуха из кондиционера. Церковь придерживалась ложной уверенности, распространенной в теплых штатах, что если снаружи слишком жарко, то внутри должно быть слишком холодно – просто для соблюдения равновесия. Вестибюль был выполнен в таком же деловом стиле, как и наружная отделка: бежевый ковер, низкий вазон с беспорядочными листочками, завывающимися, как побеги в саду, неровно выкрашенные бежевые стены с еще заметными следами от кистей, фонтанчик с питьевой водой и шесть стандартных дверей, ведущих в туалеты, с табличками «М», «Ж», «Нет», «Неизвестно», «Для ангелов» и «Для слишком полных». Надо всем этим возвышались те самые двери, изнутри казавшиеся еще менее убедительными. У входа располагался киоск с вывеской «Прием посетителей», полный брошюр и прочей информации о церкви. Ниланджана взяла один из буклетов и пролистала его. Его автором также был «Словотворец».

Послышалось дрожащее гудение органа, словно в музыку вставили звук болтающейся струны. Оно доносилось из зала собраний. Через полуоткрытую дверь она увидела составлен-

ные один на другой складные стулья за низкой сценой, над которой висел небольшой проекционный экран с оборванными краями.

Ниланджана повернулась от источника звука к полуоткрытой двери, ведущей в длинный коридор, где, похоже, располагались рабочие помещения.

Если Словотворец пишет для церкви брошюры, то все, наверное, работают здесь. Если все они работают здесь, у них, вероятно, есть офис. Она прикоснулась к полуоткрытой двери. Коридор освещался мигающей лампой дневного света. Орган взвизгнул фальшивой нотой в хриплых динамиках и смолк.

– Тебе не надо туда ходить, – произнес голос у нее за спиной.

Глава 8

– Да, там просто офисы, – произнес стоявший на пороге зала собраний Дэррил. – Извините за шум. Я проверял нашу звуковую систему для вечернего собрания, используя один из моих любимых духовных альбомов. «Десять инструментальных од Улыбающемуся Богу», композитор Боно.

– Ничего страшного. Я просто... – сказала Ниланджана, пытаюсь отыскать выскочившее куда-то сердце. – Вы меня напугали.

– Ниланджана, вы пришли к нам в церковь. Как это здорово! – Дэррил широко улыбнулся. Улыбка у него была дежурная и натянутая, и все же он выглядел как человек, которому можно что-то рассказать. Он производил впечатление человека, который поймет тебя и сделает все, чтобы тебе помочь.

Гипотеза. Она может ему доверять.

Дэррил держался прямо, но непринужденно. Он не сунул руки в карманы и не сложил их на груди. Подбородок он выставил вперед, словно с него писали портрет, и неотрывно смотрел ей в глаза. Однако улыбался он странно: растянув губы и приподняв их уголки, так что обнажились несколько сверкающих зубов.

Альтернативная гипотеза. Он – сектант-психопат, умеющий манипулировать людьми.

– Сегодня нет общей службы. В восемь вечера месса для людей старшего возраста, но завтра вечером встреча молодых профессионалов для наших потенциальных членов, – произнес он. – Вам это подойдет лучше всего. Я там тоже буду. У радостных последователей есть много хорошего, но самое главное – это люди. Именно они – главная движущая сила церкви. Класс! Я так рад вашему приходу. В наше время так тяжело убедить людей принять новую веру, особенно такую, как...

– Дэррил... – Ниланджана шагнула к нему, подняв руку.

Альтернатива альтернативной гипотезе. Он придурок-неврастеник.

– Я пока просто осматриваюсь. Можете показать мне церковь?

– О, конечно, – саркастически отозвался он.

– Вам вовсе не обязательно это делать.

– Нет, мне этого хочется, – ответил он, сменив тон и пытаясь вести себя более дружелюбно. – Но давайте начнем с зала собраний, а не с церковных офисов.

– А разве в офисы нельзя?

– Там просто скучно. Кому охота разглядывать конторы?

Он сделал шаг назад и широко развел руки в стороны.

– Это, как видите, вестибюль. Ничего особо интересного, – заметил он и оказался прав. – Хотя у нас тут есть новая доска посещаемости.

На стене висела большая деревянная вывеска, которую Ниланджана не заметила. Она гласила: «ЖУРНАЛ ПОСЕЩЕНИЙ И ПОДНОШЕНИЙ». Внизу находилось несколько ячеек с наборными цифрами:

ПРИСУТСТВОВАЛИ НА ПРОШЛОЙ НЕДЕЛЕ 171

ПРИСУТСТВОВАЛИ СЕГОДНЯ 175

НЕ ПРИСУТСТВОВАЛИ 7 853 875 811

– Вот здорово! Классная шутка насчет населения планеты.

– Это число душ, которые мы хотим обратить.

– Ах, вот как.

Ниланджана так и не поняла, шутка это или нет. Она вспомнила табличку у церкви, которая казалась ей забавной до тех пор, пока не перестала казаться смешной.

Дэррил провел ее через открытые двойные двери в зал собраний. Войдя, она удивилась тому, какой там высокий потолок. Вдоль стен через каждые пару метров стояли колонны из витражного стекла, включая большую фреску на стекле за стоявшей перед ней импровизированной сценой.

– Каждый их этих витражей изображает одну из Одиннадцати ступеней человеческого познания, – объяснил Дэррил. – Мы верим, что предназначение Улыбающегося Бога – узнать, что делает каждого из нас добрым, отыскать это в нас.

– Похоже, неплохой план.

– Самый лучший план! Вот слева первые пять ступеней. Все начинается с рождения.

На первой колонне из витражного стекла Ниланджана увидела луну на фоне темно-фиолетового неба, усеянного звездами. По центру луны располагалось небольшое дерево.

– Раннее Кормление.

На следующей колонне маленькая лиса пожирала крысу.

– Божественное Кормление.

На третьей колонне лисица чуть побольше пожирала сама себя.

– Дружба.

Ниланджана не смогла разобрать, что изображено на четвертой колонне – огонь или осенний листопад, – но над всем этим самолет распылял то ли воду, то ли химикаты.

– Любовь.

На пятой колонне сварные швы в стекле образовывали какое-то изображение, однако стекло было совершенно чистым. Насколько ей удалось рассмотреть, там было несколько птиц, похожих на голубей, летевших в стае в форме сцепляющихся треугольников. Но лучше всего сквозь бесцветное стекло была видна парковка.

– На другой стороне зала у нас Страсть.

Лиса, закалывающая клинком медведя.

– Осознание.

Лиса, плачущая у могильного камня с изображением огромного отпечатка лапы.

На восьмой картине лиса лежала на брюхе, окруженная лисами поменьше. Последние вцепились в спину большой лисы, которая лежала и скалилась.

– Озарение.

На девятой колонне лиса спала у очага. Это изображение успокаивало – с ним Ниланджана ощутила положительную связь. Пушистое животное свернулось у источника тепло огня. На заднем плане стояли стеллажи с книгами, а в центре картинки было изображено открытое окно, сквозь которое виднелось ночное небо. В правом верхнем углу окна Ниланджана разглядела маленькую убывающую луну и решила, что та символизирует поздние стадии ранней жизни. Было еще несколько желтых звезд, но совсем немного. Она заметила всего две звезды в нижней части открытого в ночь окна. Они имели желтушный оттенок и миндалевидную форму и располагались прямо над подоконником. Это были не звезды. Это были глаза.

Ниланджана торопливо шагнула за Дэррилом к следующей картине, стараясь не оглядываться.

Композиция была такая же, как у Озарения, только здесь было с полдесятка спящих лис. Ниланджана подумала, что они спят. Некоторые лежали на спине, поджав лапы. У одной вдоль рыжего тела располагался осколок красноватого стекла. На этой картине у лисы с витража «Озарение» была зубастая улыбка. Или, возможно, оскал?

– Мне очень нравится витраж «Общность», потому что он – история нашей церкви. На всех других картинах изображены отдельные моменты или откровения. Но здесь наша цен-

тральная фигура приглашает стоящих вокруг разделить тепло божественной любви и благодати.

- Похоже на то, что эта лиса убила всех остальных.
 - Этой теории придерживаются некоторые из наших богословов.
 - Они и вправду выглядят мертвыми.
 - Даже если и так, это все же прекрасная история: согреть своих мертвецов у огня.
- Ниланджана поежилась.
- Говоря метафорически, делиться божественным теплом даже с теми, кого потерял.

Ниланджана кивнула без особой уверенности. Дэррил повел ее к последней картине над проекционным экраном.

- И, наконец, последняя ступень человеческого познания: Поглощение.

В самом верху центральной фрески, простиравшейся до потолка и занимавшей половину стены, Ниланджана увидела звезды на фоне темно-лиловой пустоты. Ниже их – солнце. Под ним – тоненький серп луны. Ниже его – слой голубого неба. Под ним – густые белые облака. Ниже их – плоские серые тучи. Под ними – дождь. Ниже – деревья. Среди деревьев стоял темно-серый холм, из округлой вершины которого торчали две ломаные линии. Подножие холма было длинным, как туннель, и заканчивалось деревянной дверью. Через дверь виднелся обрамлявший туннель пустынный пейзаж с песчаными дюнами и кактусами.

Ниланджана подошла поближе, изучая картину. Холм и длинный туннель представляли собой тело, вдоль которого тянулись два колючих ряда ног, как на железных ручках входной двери. Многоножка. Окно было огромным изображением многоножки.

– Это – воплощение Улыбающегося Бога. Поглощение является представлением радостных последователей о том, каким образом по завершении полной реализации наших душ и целей Улыбающийся Бог появится с небес, где он обитает, и поглотит наши земные тела.

- Довольно жестоко.

– Это прекрасная притча, – одновременно с ней произнес Дэррил. – Ой, простите, я вас перебил. Вы что-то сказали?

- Это прекрасная притча, – согласилась Ниланджана.
- Самая прекрасная из всех рассказанных, – прогудел у них за спиной веселый голос.

Они повернулись и обменялись твердым рукопожатием с приблизившимся к ним по проходу человеком.

- Ниланджана, это Гордон.

- Прошу вас, – сказал тот, – зовите меня просто Гордо.

– Здравствуйте... Гордо, – отозвалась Ниланджана. Улыбка у него была широкая и неприкрытая, но в глазах зияла пустота. Она почувствовала, что боится этого человека. – А вы здешний пастор?

Он рассмеялся ей прямо в лицо:

– Я? О нет. Я – помощник пастора. Пастор Мунн слишком занята, чтобы заниматься повседневными делами, поэтому отправляет разбираться с ними меня.

- Как вы думаете, я смогла бы встретиться с пастором?

Гордон нахмурился, а Дэррил поблел.

– Боюсь, что она слишком занята, – ответил Гордон. – У нее нет даже времени поговорить с членами собрания без предварительной записи.

– Для этого есть люди вроде меня, чтобы все вам показать, – быстро вступил Дэррил, пытаясь изменить общий настрой. – Что я и продолжу делать. Дальше у нас учебные классы.

Гордон поднял руку, и Дэррил умолк.

– Если пастору нужно передать послание, – тихо произнес Гордон, – она передает его через меня. И если у нее возникает вопрос, она посылает меня, чтобы задать его. Она знает, что нужно делать. И я всегда в этом убеждаюсь. И у пастора Мунн есть к вам вопрос.

– Пожалуйста-пжалуйста, мне нечего скрывать, – произнесла Ниланджана, пытаюсь скрыть обратное.

– В чем конкретно состоит ваш интерес к нашему братству? Ученые к нам редко заходят.

– А с чего вы взяли, что я ученый?

– На вас лабораторный халат.

Гордон был прав. Как у всех ученых, ее гардероб состоял исключительно из лабораторных халатов.

– Обычно людей вроде вас не очень-то интересует то, что мы можем предложить.

– Это верно, – ответила Ниланджана. – Но... наука – это же не все, понимаете? – Это все, подумала она. Наука – это буквально все. – Я почувствовала, что мне в жизни нужно что-то еще. Иначе в ней как бы не хватает смысла. – Даже если бы чего-то не хватало, в ваших сказочках этого точно не найти, подумала она.

Именно так, подумал Дэррил. Она отлично понимает, почему все, что мы делаем, так важно.

Гордон безразлично кивнул, и через пару секунд на его лице снова появилась улыбка, словно кто-то, опоздавший на встречу.

– Фантастика, – произнес он без особой уверенности. – Просто фантастика. Ну, я уверен, что наш Дэррил прекрасно о вас позаботится. Дэррил, я сообщу пастору, как хорошо ты работаешь.

– Ммм, спасибо, Гордон, – отозвался Дэррил, нахмурившись при упоминании о пасторе, но потом опомнился и принялся широко улыбаться.

– Пожалуйста, просто Гордо, – сказал Гордон, самодовольно прищурившись.

– Извините. Привычка еще с детского возраста.

– Рада познакомиться, – начала Ниланджана, но Дэррил уже затаскивал ее через боковую дверь в детскую комнату. Гордон смотрел им вслед все с той же улыбкой на лице.

Ниланджана задумалась: если Гордон выступал в роли рупора пастора Мунн в обычных разговорах с членами собрания, какие еще контакты он поддерживал в этой церкви?

Гипотеза. Гордон что-то скрывал. Возможно, очень многое.

Свидетельство. Об этом говорит вся его манера себя вести.

В детской комнате были игрушки и немного книг. Игрушки представляли собой деревянных кукол с нарисованными человеческими лицами, деревянные машинки с нарисованными человеческими лицами и свечи. Много свечей. Маленькие дети обожают свечи, и в церкви это знали. Большинство книг были, похоже, религиозного содержания. «Фелиция находитobelisk» и «Многоножка-улыбашка случайно проглатывает Землю». Надпись на доске «Что есть божественная боль?» явно осталась с последнего занятия самой младшей группы.

– Вы казались несколько встревоженным, когда говорили о пасторе, – заметила Ниланджана.

– О, сущие пустяки, – ответил Дэррил голосом, полным фальшивой веселости, что подразумевало прямо противоположное тому, что он говорил. – Она очень важная персона. Меня это немного пугает, понимаете?

Ниланджана снова подумала об окне с изображением «Поглощения». Она подумала о входе на небеса, откуда появлялся Улыбающийся Бог. Там была одна деталь, значение которой она поняла лишь теперь.

– Значит, небеса... – произнесла она, – это пустыня?

– Да! – ответил Дэррил, оживившись при вопросе о догматах церкви. – Понимаете, наш пророк Кевин обнаружил старую дубовую дверь, а когда он в нее вошел, то оказался в пустыне небесной и...

– Привет! – Из-за двери одного из учебных классов показалось добродушное женское лицо. – Похоже, я слышала твой голос.

– Джамиля! Ой, это Ниланджана. Ниланджана, это Джамиля.

Джамиля переложила электродрель в левую руку, протянув правую для рукопожатия.

– Рада познакомиться, – сказала она.

– А позади нее – Стефани, – произнес Дэррил. – Она ведет занятия и проводит некоторые службы. Мы дружим еще с детства. Привет, Стефани!

Ниланджана разглядела молодую женщину, державшую телевизор с большим экраном. Ей явно было тяжело. Она смогла помахать в ответ, лишь слегка пошевелив двумя пальцами.

– Да, мне же надо кое-что сделать, – сказала Джамиля, бегом вернувшись к Стефани, лицо которой выразило одновременно облегчение и раздражение.

– Мы наконец-то получили от города разрешения на использование здесь компьютеров, – расплылся в улыбке Дэррил. – Джамиля вызвалась установить нам серверы и мониторы, чтобы мы могли показывать кинофильмы и презентации. Это очень волнующе.

Пока Дэррил говорил, Джамиля включила дрель.

– Стефани очень славная, – прокричал он сквозь шум. – Она скоро получит степень по теологии. Она надеется когда-нибудь стать старейшиной в Центральной церкви радостных последователей.

Он смотрел на Стефани со спокойным и счастливым выражением лица, и Ниланджана заметила разницу между этим взглядом и деланой, казенной доброжелательностью, с которой он общался с ней. Все вполне логично. Они оба были частью одного сообщества и знали друг друга многие годы. Он, конечно же, предпочитал общество знакомого ему человека обществу приезжей, хоть и жившей в Найт-Вэйле, но так и не ставшей здесь своей. Впрочем, это не имеет никакого значения. Дэррил может предпочитать кого угодно. Она всего лишь неплохой ученый, подмечающий мелкие детали и добавляющий их к имеющимся данным. Вот и все.

Стефани аккуратно придерживала монитор, пока Джамиля привинчивала его к стене. Ниланджана заметила пот на лбу у Стефани, ее туго стянутые назад волосы, ее руку, подрагивавшую от тяжести монитора. Стефани встретила взглядом с Ниланджаной. Глаза у нее были недобрые.

– Вы будете посещать службы? – спросила Стефани.

– Я... – Ниланджана замялась.

– Ниланджане захотелось побольше узнать о церкви, – вставил Дэррил, заметив ее неловкое молчание. – Не следует ее торопить.

Дрель взвизгнула в последний раз. Джамиля потеряла руки.

– Та-дам!

Стефани отпустила монитор со вздохом облегчения.

Дэррил наклонил голову.

– О, чудесно. Я тут подумал... Что, если взять сантиметров на пятнадцать левее?

– Дэррил! – фыркнула Джамиля.

– Я просто сказал, вам же ничего не надо делать. Прямо такое уж большое дело, все нормально. Просто сказал, и все.

Джамиля закатила глаза и вышла из комнаты, забрав с собой дрель.

Дэррил тронул Ниланджану за плечо.

– У Стефани масса важной работы на благо церкви. Мы не должны ее отвлекать.

– Надеюсь, вам у нас понравилось, – сказала Стефани с тем же пустым взглядом и отсутствием убежденности, как у Гордона, только без улыбки. – Дэррил хорошо агитирует.

– О да, понравилось, – ответила Ниланджана тем же тоном, что и Стефани. – А Дэррил очень доброжелательный. – Она машинально коснулась руки Дэррила осторожным движением и тут же убрала руку, осознав заключающийся в этом жесте собственнический инстинкт.

– Отлично! – воскликнул Дэррил, посмотрев на то место, которого она коснулась рукой. Он проводил Ниланджану обратно в вестибюль. – Возможно, мы увидимся на встрече молодых профессионалов?

Теперь он не казался придурком-психопатом. Ниланджана вернулась к гипотезам «заслуживающий доверия и искренний» и «манипулирующий психопат».

На мгновение она представила себе, что пришла на встречу молодых профессионалов. Это стало бы шагом к сближению с ее окружением. Она постоянно общалась с Марком и, конечно же, Луизой и Карлосом. Они часто разговаривали. По крайней мере, в лаборатории. Смешили друг друга, подначивали. Вместе обедали и вместе ставили эксперименты. Но они не ходили на концерты или ярмарки. Не приглашали друг друга на ужин или посмотреть на большом экране телевизионные церемонии вроде вручения «Оскара», или Комментарий перед церемонией вручения «Оскара», или Утреннюю облаву после банкета на «Оскаре». И все они, как и она сама, были нездешними, учеными, приехавшими в Найт-Вэйл, чтобы его изучать.

О чем она думает? Она здесь не для того, чтобы сближаться с людьми из этого братства. Она здесь затем, чтобы разыскать Словотворца, и у нее уже наметились подозреваемые. Стефани, недружелюбная и глубоко втянутая в деятельность церкви. Загадочная пастор Мунн, общавшаяся через посредников. А еще был...

– Совершенно верно, Ниланджана, – произнес Гордон. – Приходите на встречу.

Он стоял у входа в офисы, глядя на нее с той же странной улыбкой, что и раньше. Он скрывает что-то важное, решила она.

– Гордон, я бы с удовольствием, правда, но мне надо работать. – Теперешние друзья ее вполне устраивали.

– Просто Гордо, – поправил он, не изменившись в лице.

– Извините, завтра у меня весь день постановка экспериментов в пустыне. Спасибо вам за помощь, – обратилась она к Дэррилу. – Я дам знать, если у меня возникнут еще вопросы.

– Можете спрашивать о чем угодно, – заверил Дэррил. – Губы его растянулись, снова обнажив зубы. Он повертел в воздухе сжатым кулаком.

Гипотеза. Да, психопат.

Глава 9

Вертолет прилетел только в одиннадцать утра.

– Рада, что ты успел сегодня на работу, – подначила его Ниланджана.

– Тсс, – пророкотал мегафон.

Она обследовала другие площадки, где замечали грохот. Там тоже были ямы, похожие на ту, что она видела, но они были разбросаны по пустыне вдалеке от каких-либо зданий. Ниланджана посмотрела на горы. Она знала, что люди не верят в существование гор, и это казалось ей несколько странным, однако не совсем уж необоснованным.

Мы постоянно видим вещи, природу которых не можем объяснить, и принимаем их как должное. Вот взять облака. Некоторые ученые утверждают, что облака представляют собой капельки воды, которые поднимаются в небо, образуя эти белые или серые клубы. Если вы не облаковед, вам никогда не представится случая проверить эту информацию. Вам просто придется верить тому, что говорят вам другие люди.

Но если вспомнить, что произошло с высадкой на Луну в 1969 году, как можно чему-то верить. В течение многих лет правительство внушало своему народу, что оно отправило людей на Луну, а в 1976-м, когда люди сообразили, что все это ложь, правительство рассказало правду и призналось, что все это было постановкой. Подделали фотографии, наняли известного голливудского режиссера Стенли Кубрика, чтобы тот снял сцены высадки на Луну. А позже, в 1985 году, под давлением Гильдии киноактеров и ЦРУ Кубрик публично признался, что никогда не снимал эти кадры, поскольку сам он – голограмма, созданная в лабораториях НАСА. В конце той пресс-конференции в его доме в британском городке Сент-Олбанс он исчез из виду, и несколько пишущих об индустрии развлечений репортеров начали спрашивать друг друга, что они все там делают. Находившееся перед ними имение исчезло. Они оказались на огромном поле, где повсюду валялись обрывки записок о каком-то человеке по фамилии Кубрик и о высадке на Луну. Позднее правительство призналось, что люди действительно высадились на Луну, но оно скрывало это, поскольку не хотело признать, что главное задание – а именно взорвать Луну – было провалено. Бомбы почему-то не взорвались. Возможно, когда-нибудь они и сработают, но в 1969 году случилась осечка. Мы облажались, заявило правительство, подавая в отставку. Мы подвели Америку, рыдало правительство.

Ну ладно, ладно, главное, что вы попытались, отвечала Америка, похлопывая свое правительство по спине, но при этом понимая, что больше никогда не поверит ни одному его слову.

Ниланджана знала, что большинство людей никогда не приблизятся к горам, а без этого явного доказательства и возможности проверить теорию им будет трудно поверить в их истинность. Наука основывается на фактах, но факты эти должны исходить из гипотез, а гипотезы рождаются на основе выводов, сделанных из того, что человек видит или же хочет увидеть.

Например, *гипотеза*: Гордон – Словотворец. Ниланджана вспомнила, как он обнажал зубы в широкой обезоруживающей улыбке. Он выступал в качестве связующего звена между пастором и внешним миром, озвучивая ее мысли. В этом смысле он являлся для нее словотворцем. Он отправился в Городской совет и сказал ему... что? Что такое Гордон передал совету от имени церкви, что восстановил против Карлоса и науки весь город?

К тому же существовала описанная Дэррилом церковная концепция небес. Вход через старую дубовую дверь в другой мир, являющийся пустыней. Контактывали ли представители церкви с тем же пустынным параллельным миром, с которым столкнулся Карлос? Если так, то что они там обнаружили? Что, по их верованиям, появится из того параллельного мира во время «Поглощения»?

От ямы, у которой стояла Ниланджана, ей были видны еще две, и обе располагались далеко от города. Представлялось наиболее вероятным, что именно город вызывает эти про-

валы, поскольку у него гораздо больше ресурсов и возможностей, чем у церкви. Но почему город дошел от безобидных ям в пустыне до убийства Ларри Лероя? И если город намеревался посеять ужас, запугать Карлоса, тогда зачем ему вызывать провалы там, где их никто не увидит? Может, это какие-то испытания? Системы, которую доводили «до ума»?

Стрекотание винтов вертолета заглушило шум машины Дэррила. Ниланджана заметила его появление, только когда он хлопнул дверью.

Исходные данные: она находится одна в пустыне с сектантом, возможно склонным к убийствам.

Гипотеза. Вот черт!

– Я привез вам сэндвич, – произнес Дэррил, размахивая над головой чем-то завернутым в фольгу. – Заскочил в закусочную «Лунный свет всю ночь». Он с фалафелем. Не знаю, едите вы мясо или нет.

– Не ем. Спасибо за заботу. – Ниланджана смотрела на сэндвич, размышляя, есть ли какой-нибудь способ *увидеть*, отравлен он или нет, потом понюхала его. Он пах так, как и должен пахнуть фалафель, – шоколадом.

– Я иногда ем мясо, – сказал Дэррил, прислонившись к машине Ниланджаны и откусывая от своего сэндвича. – Но в последнее время не часто. Трудно сказать, что теперь добавляют в мясо. Послушайте, – продолжил он, похоже, понимая, что было, наверное, нечто необычное в том, как он появился из ниоткуда и преподнес своей новой знакомой сэндвич, – надеюсь, вы не против моего приезда. Вы упомянули, что собираетесь поработать в пустыне, и я отправился туда, где находится вертолет слежения. Подумал, что если уж он залетел сюда, то, наверное, наблюдает за вами.

– Ах вот как, – отозвалась Ниланджана, продолжая рассматривать завернутый сэндвич.

– Да, просто с тех пор, как я занялся агитацией, вы первая проявили интерес к церкви. И мне захотелось проверить. Я не собираюсь на вас давить, не думайте. Нам даже не надо об этом разговаривать. Я просто... привез вам сэндвич.

– Крупные агрокомплексы в большом количестве используют антибиотики и гормоны, – сказала Ниланджана, чтобы сменить тему разговора.

– Совершенно верно, все дело в промышленном земледелии. Но моя проблема, связанная с производством мяса, – это рекламные материалы. Несколько лет назад я нашел купон компании «Американские авиалинии» на скидку в пятьдесят центов в мясе для барбекю. А на День благодарения мы обнаружили в грудке индейки компакт-диск интернет-провайдера «Америка онлайн».

– Мясная промышленность злоупотребляет рекламой.

– Это глупо. Мне гораздо больше нравятся овощи.

Ниланджана потянула за уголок обертки сэндвича.

– А что вы искали в церкви и ожидали от нее, Ниланджана? – спросил Дэррил, нарушив обещание не касаться этой темы. – Вы не похожи на человека, ищущего веру.

– Почему нужна причина, чтобы мне все показали?

– Мне просто любопытно. Люди не часто откликаются на наши брошюры. Во всяком случае не ваши ровесники. И уж точно не ученые. А если и откликаются, то приходят на встречу, а не в саму церковь во внеурочные часы.

– Я ничего не вынюхивала.

– Ой-ой. – Дэррил впервые посмотрел на нее с подозрением. – Я даже и не думал, что вы что-то вынюхивали. А вы вынюхивали?

– Нет.

Ниланджана развернула фольгу и откусила большой кусок сэндвича. Хлеба в нем не было. Только обжаренные нуттовые шарики, овощи, кленовый сироп и кунжут. Пшеница и все продукты из нее по-прежнему находились в Найт-Вэйле под запретом из-за происшедшего в

2012 году инцидента, когда вся пшеница и продукты из нее превратились в змей. Было много пострадавших, но самым тяжелым последствием стал сам запрет, от которого пострадали люди, любившие хлеб.

– Тогда в кофейне я собирался дать вам свой номер телефона. Но мне не хотелось показаться навязчивым, поэтому вместо него я дал вам брошюру. Я был потрясен, когда она привела вас ко мне. Вы хотите сходить на свидание?

Ниланджана увлеченно жевала сэндвич, и ответом ему стало:

– Мм-м-м-м.

– Ладно, я не совсем верно поставил вопрос. Не свидание. Может, что-то вроде продолжения знакомства. Теперь я вас вспомнил. Это вы тогда со мной разговаривали, когда я еще работал в часовом магазине. Тот разговор заставил меня надолго задуматься. Мы разошлись во мнениях, но мне было весело. Я подумал, что мы могли бы куда-нибудь сходить, поговорить еще немного. По-моему, это что-то вроде свидания. Я себе в этом признаюсь. Вы хотите пойти на свидание?

Ниланджана проглотила маленький кусочек, не переставая жевать.

Дэррил продолжал заполнять паузу.

– В любом случае, моя попытка не быть навязчивым не удалась. Прошу прощения. И за то, что приехал к вам на работу. Это, наверное, выглядит пугающе.

– А еще вы купили мне сэндвич, – добавила Ниланджана, наконец-то прожевав. – Довольно необычный сэндвич.

– Я купил его не вам. Я вышел, чтобы взять сэндвичи себе и Стефани.

– Так он предназначался Стефани?

– Я куплю ей еще на обратном пути.

– Ой! – воскликнула она. Конечно же, сэндвич говорил о его интересе к Стефани. Ей не следовало воспринимать его как нечто другое.

– Это очень даже странно, – заявил мегафон из вертолета.

– Простите, извините. Начнем сначала. В церкви вас что-то заинтересовало. Это я? Не знаю. Отвечать не обязательно. Подождите, это я? – спросил Дэррил.

– Классно! – отозвался вертолет.

Ниланджана быстро откусила от сэндвича огромный кусок, потом показала себе на рот и покрутила туда-сюда головой, словно говоря: «У меня полный рот. Говорить не могу. Дайте мне минутку, чтоб прожевать».

– Я пытаюсь не быть странным. Но я странный. Извините. Со мной такое случается. Иногда я хочу сказать одно, а люди думают, что я говорю совсем другое. Типа я стараюсь быть искренним, а люди думают, что это сарказм. Я просто...

И тут, прервав его, начал пищать ящик с мигающими огоньками, который Ниланджана поставила на край ямы.

– Мм-м-м-м, – произнесла Ниланджана, подняв указательный палец: мол, погодите. Она записала последовательность мигавших огоньков. Сосчитала каждый и поставила галочки на бумаге. Придется возвращаться в лабораторию для расшифровки данных. Ей бы очень хотелось получить разрешение на получение компьютера. Он бы очень облегчил ее работу.

– Давайте как-нибудь куда-нибудь сходим, – сказала она, наконец закончив. Мысль не из лучших – встречаться с тем, кто имеет отношение к ее исследованию. Но разве она не заслужила права немного развеяться? И, оправдываясь перед собой, Ниланджана подумала, что, наверное, сможет таким образом собрать побольше полезных данных.

– Я не очень-то люблю ходить на свидания, так что давайте просто... куда-нибудь сходим. Поедим. Поболтаем. Так ведь говорится?

– Да. «Куда-нибудь сходить. Поесть. Поболтать». Да, именно так говорится.

– Отлично. Может, немного поговорим о моем интересе к церкви. Только давайте на этом не сосредотачиваться. Завтра вечером, идет?

– Завтра – просто класс. Вы думаете, мы в церкви замыслим что-то плохое? – выпалил он.

– Не знаю, Дэррил, – осторожно ответила она. – А вы замыслите что-то плохое?

– Нет, конечно, нет, – ответил он. – Просто все остальные подумали, что вы собираетесь проводить у нас расследование или что-то типа того.

Он казался настолько искренне обеспокоенным, что Ниланджана едва удержалась, чтобы не спросить его о Словотворце. Но в церкви лучше никому не знать, что она идет по этому следу, какими бы безобидными они там ни казались. Ей захотелось, чтобы сейчас Дэррил ушел, а она сходила бы поесть и поговорила с ним как-нибудь в другой раз. Не стоит позволять ему слишком вторгаться в ее работу или жизнь.

– Позвольте ваш номер телефона, – вместо этого произнесла она. – Увидимся завтра.

Они обменялись сообщениями.

– Поеду-ка я куплю Стефани еще сэндвич, – сказал Дэррил, садясь в машину. – Как вам с фалафелем?

– Наименее ядовитый сэндвич из всех, – пошутила она, мысленно надеясь, что так оно и есть.

Глядя вслед его отъезжавшей машине, Ниланджана подкорректировала свою гипотезу. Не психопат. Просто нервный, но, может, где-то даже симпатичный.

Но сюда она приехала совсем не за этим. Она повернулась к ямам. Здесь имели место мощные воздействия, по какой-то причине произведенные посреди пустыни. Еще одно возможное объяснение отсутствию элементарной логики в расположении провалов заключалось в том, что они проделаны неким существом, руководствовавшимся скорее инстинктом, нежели логикой. Ниланджане снова пришли на ум слова вроде «поедать» и «поглощать». Она подумала об огромных витражах в церкви. Какое существо могло породить провалы вроде этих? И насколько огромным оно должно быть, чтобы заставить содрогаться землю до самого города? Возможно ли, что в пустыне прячется какое-то чудовище?

Она окинула взглядом горизонт, но увидела только горы. Большинство людей предпочли бы не заметить даже их.

Глава 10

Взглянув на свои находки, Ниланджана ощутила лишь предчувствие, что эти ямы были результатом действий живого существа, и предчувствие это было вовсе не научным.

Она устала, пора было заканчивать работу и ехать домой, но сначала ей хотелось увидеть, чего достиг Карлос в своей части исследования. Она поставила машину на парковку, которую лаборатория Карлоса делила с пиццерией «Большой Рико» – последней пиццерией в городе, сохранившейся благодаря искусству увлеченного кулинара и пожарного эксперта в лице самого Большого Рико.

Луиза и Марк расслаблялись в комнате отдыха при лаборатории, поедая пищу с бумажных тарелок (из-за запретов на пшеницу и ее производные пицца у Рико представляла собой просто сырные шарики в соусе). Соседство с пиццерией стало для лаборатории настоящей удачей. Но иногда, когда Ниланджана утром вставала с постели, изжога напоминала ей о том, что у этого постоянного соблазна были и отрицательные стороны.

– Ты куда вчера пропала? – спросила Луиза с присущим ей легким разочарованием в голосе. – Что-то на тебя не похоже вот так бросить эксперимент. Ты никогда не получишь премию за игнорирование экспериментов. За это премий не дают.

– Роджер Арлинер Янг получила Нобелевскую премию за исследования в области игнорирования китовых акул, – возразил Марк, – что было невероятной смелостью, если учесть, какими назойливыми бывают китовые акулы.

– И все же, – не уступала Луиза.

– Нарисовался новый проект, – объяснила Ниланджана. – Надо было получить кое-какие данные. На это ушло больше времени, чем я думала.

– Новый проект? – поинтересовался Марк. Лицо у него скривилось, как у ребенка, который не получил желанного подарка на День гелиотропа. – А почему ты с нами о нем не говорила? Меня уже достали попытки заставить работать этот агрегат. Новый проект может оказаться просто замечательным. А известные ученые берутся за новые проекты? Может, и мне стоит попытаться?

– Да, извини, что я о нем не сказала. Времени не было. Мм-м, пицца-то какая аппетитная. Я сейчас вернусь и все вам расскажу. Просто надо срочно доложить Карлосу. Прошу прощения! – И она быстро прошла мимо них в кабинет Карлоса.

Он поручил это задание ей, и ей хотелось выполнить его самой. Для этого она не нуждалась ни в чьей-то компании, ни в чьей-то помощи. Закрывая за собой дверь, она услышала голос Марка:

– Этот проект, похоже, секретный и очень интересный.

И вздох Луизы:

– Готова поспорить, что она получит премию.

– Все в порядке? – спросил Карлос. – Я стал беспокоиться, когда вы вчера не вернулись.

– Все нормально, – ответила Ниланджана, тронутая его словами. Карлос очень заботился о научных достижениях, но больше всего он заботился об окружающих его людях. – Обнаружили что-нибудь новое?

Он показал ей шкалы с его любимыми числами. У него был блокнот, куда он выписал все цифры и поставил рядом с каждой смайлик. Он был блестящим ученым.

– По-моему, в последнее время я слишком однозначно трактовал свои эксперименты. Сегодня утром я расставил в укромных местах вокруг дома лазеры и могу управлять всеми ими дистанционно вот с этого аппарата. Очень надеюсь, что город или кто-то еще, кто мне мешает, ничего не заметит.

– Можно вас кое о чем спросить?

– Конечно. У вас есть свобода воли, как и у всех остальных.

– Что собой представлял параллельный мир?

Карлос попытался найти объяснение, но нашел только боль. Он даже Сесилу не рассказал всей правды о своем пребывании там и теперь не мог начать откровенничать.

– Бесконечность, – ответил он, – но в то же время ограниченность. Звучит противоречиво, но подумайте о нашем мире. Можно всю жизнь идти в любом направлении, шагать бесконечно, но вы будете вновь и вновь двигаться по ограниченному пространству. Так и там.

– Сфера?

– Нет. Скорее чаша, вогнутая к центру. В центре помещалась гора. Неважно, сколько ты прошел, ты все равно обращаешься вокруг горы. Находясь так далеко от всех своих близких... после этого я иногда просыпаюсь по утрам и со страхом думаю, а вдруг я еще там, по-прежнему шагаю вокруг горы. – Он вздрогнул. – Мой уход туда и возвращение означают, что разные миры могут пересекаться. А не должны. Никто отсюда не должен попасть туда. И мы не хотим, чтобы то, что там есть, попало сюда. Городской совет не понимает, что наука нужна нам для того, чтобы защититься от этого параллельного мира.

– Они что-то узнали от человека по имени Словотворец, и это их напугало, – предположила Ниланджана.

– У нас больше нет времени на разговоры. Я хочу провести еще один эксперимент, но уже поздно. – Он взглянул на запястье.

– Вы не носите часы.

Он кивнул.

– Часы здесь все равно идут неправильно. Время – странная вещь.

– Совершенно верно.

Она подошла к приборной панели и проверила все шкалы, установленные на его любимые числа. Одна шкала была для цветов и стояла на красном. Красный Ниланджане не очень нравился, она предпочитала зеленый. Она переключила шкалу на зеленый.

– Отличный прием, – заметил он. – Ладно, на счет три.

Они приложили пальцы к кнопкам, которые должны были запустить аппарат.

– Если сработает, информация будет получена моментально, верно? – спросила Ниланджана.

Карлос пожал плечами.

– С тем домом все очень странно. Даже лазерное считывание может занять какое-то время. Со времен Гражданской войны никто не пытался стрелять лазерами в альтернативные вселенные. Итак. Один, два, три.

Аппарат заработал, тихо жужжа.

– Вот так достаточно, – произнес он. – Надеюсь, вскоре мы что-то получим безо всякого вмешательства города. Все это, мм, очень четко.

– Конечно, – согласилась она. – Четко.

Сама Ниланджана никогда не называла что-то «четким», но это было одно из любимых словечек Карлоса.

Раздался громкий стук в дверь, который перерос в грохот, следом за грохотом дверь распахнулась настежь.

За дверью стояла Памела Уинчелл. Памела в свое время была мэром Найт-Вэйла, но ушла в отставку до окончания срока своих полномочий. Большинство людей подозревало, что она никогда не хотела управлять городом. Ей нравилось лишь организовывать чрезвычайные пресс-конференции – иногда во время чрезвычайных ситуаций, а иногда во время импровизированного веселья в универмаге. Как бы ни складывалась обстановка, она наслаждалась возможностью выкрикивать приказы и постановления, призывать к общегородским

запретам, ограничивать возможности простых граждан и служб, даже если чрезвычайная ситуация заключалась в том, что ей грустно.

Нынешний мэр, Дана Кардинал, вступая в должность, назначила Памелу на новый пост директора чрезвычайных пресс-конференций. Памеле нравилась ее роль пламенного оратора. Большую часть времени она проводила, разрабатывая с Городским советом чрезвычайные ситуации, для которых можно было бы созывать пресс-конференции.

Памела обвела взглядом кабинет. В руке у нее была картофелина Луизы, которую она жевала прямо сырую, хрустя ею, словно яблоком. Луиза стояла на пороге, разочарованная тем, что Памела проделывает подобные вещи.

– Не было необходимости готовить для меня что-то особенное, – заявила Памела. – И вы, я вижу, не приготовили для меня ничего особенного. Даже шариков, плакатов и бокалов с шампанским. А ведь это элементарная вежливость.

Карлос отступил назад, надеясь на невозможное – что его фигура скроет стоявшие позади него массивные агрегаты. Ниланджана же рассчитывала, что они смогут достаточно надолго отвлечь Памелу, чтобы получить важные результаты считываний.

– Мм-м, – протянула Памела, кладя картофелину и беря вместо нее тетрадь со стола Карлоса. Она издала этот звук в микрофон, подсоединенный к портативному усилителю, который она всегда носила с собой на тот случай, если придется созывать чрезвычайную пресс-конференцию. – Мм-м, – снова протянула она, уже громче и дыша в микрофон.

– Ваш приход, Памела, всегда приятный сюрприз, – произнес Карлос. – Однако боюсь, что сегодня у нас выдался суетный день, так что...

Памела вздернула бровь. Потом чихнула. Звук отдался хрипом через портативный усилитель.

– Вот черт! По-моему, вздернутая бровь действует сильно, но от этого я чихаю. Каждый раз.

– И все-таки она возымела эффект, – предположила Ниланджана.

– Не надо снисходительности. Так вот, я здесь от имени мэра и Городского совета. Вам было приказано не обращать кое на что внимания и прекратить кое-что делать. Похоже, вы продолжаете кое-что делать и кое на что обращать внимание. Это недопустимо.

– Это за пределами компетенции Городского совета... – начала Ниланджана.

– Компетенция! – крикнула Памела. Не злобно, а просто очень громко. – Какое милое словечко. А вы знали, что оно происходит от греческого «компет», что означает «свиноматка на половине срока»?

– Нет, не знала, это восхити...

– Конечно же, не знали. Потому что я только что это придумала. – Памела насмешливо посмотрела на лекционную доску Карлоса, исписанную уравнениями. – Вот чем мы тут занимаемся. Придумываем всякую всячину, а потом все, что мы придумали, считается истиной, пока никто к ней не приглядится. У меня случаются судороги в ногах. Есть какие-нибудь продукты, вызывающие судороги в ногах?

– Да! – с готовностью воскликнул Карлос. – Я только что это изучал, позвольте принести результа...

– Не перебивайте. Это был риторический вопрос. Это также могло быть метафорой. Я не уверена, что такое метафора, и не позволю никому мне это объяснять.

На аппарате Карлоса замигал огонек (этот огонек отмечал, имеет ли происходящее отношение к науке), и Памела посмотрела на него, нахмутив брови.

– Вы игнорировали наши предупреждения. Мне от этого грустно.

Земля начала чуточку вибрировать.

– Когда мне становится грустно, может произойти масса событий. Мне как-то раз взгрустнулось в «Бургер Кинге». Вы знаете, что произошло с «Бургер Кингом»?

– Нет, Памела, а что с ним произошло? – спросил Карлос.

– Я там расплакалась. Я плакала в «Бургер Кинге». Захлебывалась бурными рыданиями, пока мышцы груди не заболели от напряжения и ослабления. Всем, кто был в «Бургер Кинге», стало чрезвычайно неловко. Вот что произошло. А чуть позже мне стало грустно в «Лучшей покупке». Вы знаете, что там случилось?

Памела не стала дожидаться ответа. Вибрация земли превратилась в ощутимую тряску. Пол безо всякой причины начал нагреваться.

– Я заточила всех работников в заброшенной шахте за городом и наняла бригаду, чтобы превратить «Лучшую покупку» в огромный и бесполезный дом. Я теперь живу в той «Лучшей покупке». Я называю его «Лучшей закупкой», но это бессмысленная игра слов, к тому же побочный эффект моей грусти.

Тряска переросла в сильную качку. Обеспокоенные Карлос и Ниланджана начали потихоньку пробираться к двери.

– Если вы продолжите заставлять меня грустить, кто знает, что может случиться? Кто сможет сказать, какими последствиями это обернется для всех вас?

Стены затрепали от сильных сотрясений. Пол сделался невыносимо горячим.

– Даже я не могла бы этого сказать, – продолжала она. – А я могу сказать практические все что угодно. Например, «моим ногам очень горячо и больно, но это помогает вылечить судороги в ногах».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.